ЛЮБОВЬ

безъ успѣха

или

ИНЕСА КОРДУАНСКАЯ ИШПАНСКАЯ ПОВѢСТЬ

съ

прибавленіемъ

повѣсти

о

Разрывѣ брака

между Абенамаромъ и Фатимою

переведены съ Французскаго

въ Санктпетербургѣ
1764 года.

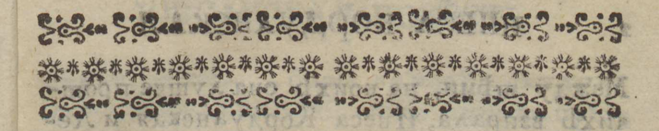
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Читая сочиненную на Французскомъ языкѣ книгу, называемую *Деревенская Библіотека*, не могу довольно хвалить остроумныхъ тѣхъ исторій, коими она наполнена. Между прочими такъ понравилась мнѣ *Инеса Кордуанская, Ишпанская повѣсть*, что вознамѣрился я въ праздныя часы перевесть оную на Россійской языкъ, въ твердомъ будучи упованіи, что публика читая оную,

оную, будетъ ею столько же довольна, сколько стараюсь я промышлять ей полезнаго времени препровожденїя.

Я присовокупилъ къ оной повѣсти и другую *о разрывѣ брака между Абенамаромъ и Фатимою*, какъ въ разсужденїи не малаго ихъ сходства, такъ и для того, что онѣ и въ подлинникѣ обѣ вмѣстѣ напечатаны.

)o(

ИНЕСА КОРДУАНСКАЯ,

ИШПАНСКАЯ ПОВѢСТЬ

Немного времени Филиппъ II. женатъ былъ на Елисаветѣ Французской; и хотя сей государь былъ строгаго нрава, однако любовь, которую имѣлъ къ Королевѣ, своей супругѣ, уменшала нѣсколько обыкновенную его строгость. Дворъ его здѣлался веселымъ, и любовь отъ онаго не была изгнана.

Какъ отосланы были назадъ почти всѣ фрелины, прибывшїя изъ Францїи съ Королевою, то опредѣлилъ онъ къ ней множество Ишпанокъ, не столько для приумноженїя ея чести, сколько для присматриванїя за ея поступкою; но какъ сїя Принцесса была любьви достойна, то прилѣпились онѣ къ ней болѣе съ тѣмъ, чтобъ ей угодить, нежели слѣдовать намѣренїямъ Королевскимъ.

 Между

Между тѣми, на коихъ она лутче протчихъ взирала, Инеса Кордуанская и Леонора де Сильва имѣли перьвое достоинство. Обѣ онѣ были прекрасны; и милость королевина, кою онѣ дѣлили, будучи сопряжена съ ревнованїемъ ихъ красотъ, внушала въ нихъ другъ къ другу отвращенїе: однакожъ не оказывалось еще ничего наружно онаго, какъ молодой Маркизъ Лерма, сынъ Герцога сего имяни, возвратился съ войны изъ Фландрїи, гдѣ онъ знаменитыми дѣлами немалую приобрѣлъ себѣ славу.

Сей молодой господинъ былъ нато рожденъ, чтобъ нравиться, и изящнѣйшїя его качества не въ томъ одномъ состояли, чтобъ быть дороднѣйшимъ и разумнѣйшимъ придворнымъ человѣкомъ; но оказанное имъ уже въ двашцать два года отличное мужество, и наинѣжнѣйшее и страстнѣйшее его сердце привлекали къ нему другїя склонности, кромѣ всеобщей похвалы. Леонора де Сильва была первая, съ коею вступилъ онъ въ нѣкоторое обхожденїе, по причинѣ Барона Сильвы, ея брата, возвратившагося съ нимъ изъ Фландрїи: хотя сей Баронъ имѣлъ мало достоинства, и по сей причинѣ не могли они быть въ совершенномъ дружествѣ; однакожъ долговременная

ная привычка, быть вмѣстѣ, служила имъ нѣкоторымъ образомъ вмѣсто пріязни. Сильва представилъ его своей сестрѣ у Королевы, гдѣ дамы имѣли свободу разговаривать съ кавалерами, когда у ней бывалъ съѣздъ. Какъ Маркизъ Лерма былъ къ любви склоненъ, а Леонора прекрасна, то говорилъ онъ ей непрестанно ласкательныя слова, кои толковала она толь благоприятными, что напередъ возъимѣла тѣ склонности, кои ему внушить хотѣла.

Небольшой припадокъ, которой случился Инесѣ Кордуанской, былъ причиною, что не казалась она нѣсколько времяни при дворѣ: фортуна здѣлала Леонорѣ сїе благопрїятство, но оное было маловремянно. Инеса показалась наконецъ въ такомъ случаѣ, гдѣ разумъ ея толь умножилъ ея красоту, что не возможно было противиться вдругъ прелѣстямъ обоихъ.

Королева, будучи Француженка, охотница была разговаривать; она имѣла нѣчто страстное въ сердцѣ своемъ, побуждающемъ ея любить стихи, музыку и все сходствующее съ веселостьми. Послѣ обѣда бывала она по пяти или по четыре часа въ своемъ кабинетѣ съ

придворными дамами, коихъ избирала къ сему уединенію.

Она предложила для промышленія себѣ всегда новаго усеселенія выдумывать любовныя сказки. Повелѣніе сіе съ радостію было принято отъ всѣхъ дамъ, сей малой дворъ составляющихъ; онѣ согласились учредить правила для такого роду исторій, изъ коихъ два главныя здѣсь слѣдуютъ.

Чтобъ произшествія были всегда противны вѣроятности, а чувства естественны; положили, чтобъ пріятность сихъ сказокъ состояла только въ показаніи того, что происходитъ въ сердцѣ, а въ протчемъ было бы нѣкоторое достоинство въ чудныхъ выдумкахъ, кои бы не удерживалися видомъ истинны.

Бросили жеребей, которой изъ сихъ дамъ досталось разсказывать первой, и когда оной палъ на Инесу, тогда вошелъ къ нимъ Принцъ Донъ Карлосъ, коему Королева разсказала про сіе намѣреніе: онъ желалъ присутствовать при разсказываніи Инесиномъ, въ чемъ Королева не могла ему отказать; и Инесѣ остатокъ дня отданъ былъ на вымышленіе той сказки, которую ей въ слѣдующей день говорить надлежало.

Донъ Карлосъ прислуживалъ всегда Королевѣ, своей мачихѣ. Какъ назначенъ

ченъ онъ ей былъ супругомъ, прежде нежели Король вздумалъ самъ на ней жениться, то не могъ онъ удержаться, видя ея, чтобъ не жалѣть отомъ, чего онъ лишился, и искалъ ея непрестанна, хотя и умножалъ тѣмъ свои мученія.

Принцесса Эволи, жена перваго министра, не покидала Королевы, по нѣкоторому тайному участію, кое брала она въ Донѣ Карлосѣ, и которое напослѣдокъ не менѣе было бѣдственно для Королевы какъ и для него.

Назначенной къ слушанію Инесы день насталъ. Маркизъ Лерма, которой слыхалъ о ея красотѣ, просилъ Дона Карлоса, чтобъ онъ ему дозволилъ слѣдовать за нимъ къ Королевѣ; начто ей Принцъ и согласился. Леонора увидя его ласкалась, что пришелъ онъ искать ея въ такомъ мѣстѣ, гдѣ находились любимицы Королевины; но какъ скоро увидѣлъ онъ Инесу, такъ скоро отсталъ отъ Леоноры, коей единственное счастіе въ томъ состояло, чтобъ быть обманутой.

Принцъ Донъ Карлосъ, Принцесса Эволи и двѣ или три придворныя дамы сѣли, а потомъ Королева приказала говорить Инесѣ, которая начала такимъ образомъ:

ПРИНЦЪ РОЗОВОЙ КУСТЪ.

Королева такого государства, кое не находится на картѣ, оставшись вдовою отъ Короля, коего она страстно любила, жила въ печали соотвѣтствующей той любви, которую къ нему имѣла. Дочь, единый плодъ ихъ брака, была предмѣтомъ всѣхъ ея попеченій, и истребила ея печали; но Флоринда (имя сея дочери) должна была причинить ей съ своей стороны оную.

Въ одинъ день, когда всѣ женщины королевины находились въ ея комнатѣ съ Принцессою, показалась небольшая изъ слоновыхъ костей зделанная колесница, влекомая шестью бабочками, коихъ крылья расписаны были разными красками; одна женщина, коей станъ соотвѣтствовалъ ея екипажу, и которую почли за волшебницу, разъѣжжая долго по комнатѣ на колесницѣ, бросила сіе письмецо.

Флоринда родилась съ прелестной красотой,
Но будетъ провождать весь въ горести вѣкъ свой,
Когда начнетъ къ тому любовію горѣть.
Котораго тогда она не будетъ зрѣть.

Волшебница скрылась, и оставила всѣхъ въ великомъ удивленіи. Королева была

была тѣмъ больше тронута, нежели надлежало; безумство или видимая невозможность сего несчастія не увѣряли противу своенравія любьви и судьбы вмѣстѣ соединившихся. Она помышляла отомъ, какъ бы ихъ предупредить, и не ожидала того, чтобъ Флоринда достигла до такого возраста, когда могла любить, но дала ей знать о всѣхъ тѣхъ, кои могли требовать того, чтобъ на ней жениться. Между Принцами ея сосѣдами былъ одинъ скрытой отъ взора всего свѣта; но портретъ Флориндинъ дошелъ до него посредствомъ волшебницъ, коимъ ничто не невозможно. Король его родитель, овдовѣвши отъ такой жены, которая принудила его терпѣть всю гнусность ревности, женился на второй, мало удобной внушить, но рожденной съ тѣмъ, чтобъ воспринимать оную. Она довела толь далеко своенравіе своей страсти, что Король позналъ, что онъ только перемѣнилъ мученіе, и сомнѣвался, которое изъ сихъ обѣихъ золъ есть большее. Въ семъ недоумѣніи заключилъ, что бракъ есть ужасной союзъ, и вознамѣрился единаго сына своего содержать въ отдаленіи отъ сообщества всѣхъ женщинъ. Онъ приказалъ его воспитывать въ одномъ

номъ великолѣпномъ замкѣ, и дозволилъ ему всѣ забавы лѣтамъ его соотвѣтствующія. Учили его всѣмъ наукамъ, кои не могли ему показать того, что отъ него скрывать старались; наконецъ промышляли ему всѣ увеселенія, кромѣ одного, къ коему онъ былъ рожденъ: но любовь ничего не упускаетъ.

Сей Принцъ нашедъ портретъ Флориндинъ подъ своими ногами, взглянулъ на оной тотчасъ съ удивленіемъ. За симъ удивленіемъ послѣдовало безпокойство несвѣдомое молодому человѣку приобыкшему къ упражненіямъ и разсужденіямъ, неимѣющимъ ничего сходственнаго съ сими чувствами.

Первое его желаніе состояло въ томъ, чтобъ увидѣть подлинникъ сего портрета; сіе лице гораздо нѣжняе было тѣхъ, коихъ до того времени онъ видалъ; и либо по побужденію сродной любьви тайны, либо разсуждая, что скрывали отъ него нѣчто, не сообщилъ онъ никому о томъ намѣреніи, кое принялъ, чтобъ оставить то мѣсто, которое всегда казалось ему пріятнымъ, но на которое началъ онъ взирать какъ на свою темницу, какъ скоро хотѣлъ отъ туда выти.

Онъ

Онъ умѣлъ украсться отъ своихъ надсмотрщиковъ, и отправился въ путь, не зная самъ куда; лишь только прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтилась съ нимъ та волшебница, о которой мы уже говорили. Куда идешь, несчастной Принцъ? сказала она ему; ты поспѣшаешь ко всѣмъ тѣмъ несчастiямъ, отъ коихъ тебя освободить старались, но не можешь избѣжать своей судьбины.

Между тѣмъ мать Флориндина учредила великолѣпное ристанiе, привлекшее ко двору всѣхъ Принцевъ изъ сосѣдственныхъ королевствъ; они хотѣли одинъ передъ другимъ показать свое дородство и проворство; но Флоринда хотя ихъ и почитала, однако ни одного из нихъ не полюбила, и сожалѣя жестоко о всѣхъ, ни одному предъ другимъ не дала первенства. Они воспрiяли къ ней тѣ склонности, кои красота ея внушить могла, и она многихъ здѣлалаб ы несчастными, ежели бы одного осчастливила.

Королева отпустила сихъ Принцевъ съ прискорбностiю; дочь ея не полюбила тѣхъ, коихъ она видѣла; половина предвѣщанiя збылася, а остатка надлежало опасаться.

Нѣсколько времяни спустя послѣ того, Флориндѣ наскучило при дворѣ, и не имѣя ничего, чтобы ея при ономъ удерживало, получила она отъ матери своей позволенїе, ѣхать въ загородной домъ; сїе было мѣсто прїятное и удобное къ препровожденїю времени для особы свободной отъ любовныхъ попеченїй. Въ одинъ день, какъ прогуливалась тамъ въ одной партеррѣ, увидѣла она розовой кустъ, которой гораздо зеленѣе былъ другихъ, и на коемъ больше розъ нежели на другихъ находилось. Оной наклонивъ малыя свои вѣтьви при ея приближенїи, казался ей оказывать свое учтивство. Толь новая въ розовомъ кустѣ поступка удивила Принцессу: сїе чудо происходившее въ ея пользу, ей понравилось; симъ родомъ обѣта была она тронута; она многажды прохаживалась въ сей партеррѣ; розовой кустъ наклонялся столь часто, какъ она мимо ево проходила; она хотѣла сорвать розу, которая показалась ей очень спѣлою, но жестоко укололась. Сїе уязвленїе препятствовало ей спать во всю ночь, а на другой день встала она ранѣе обыкновеннаго, и пошла прогуливаться въ партеррѣ: розовой кустъ усугубилъ свои поклоны съ такимъ рвенїемъ, которое веселило Принцессу, и побудило

ея позабыть ту язву, которую она получила, дабы помышлять только о семъ чудѣ; наконецъ въ задумчивости подошла она весьма близко къ розовому кусту, и была отъ онаго такъ обхвачена, что не могла изъ него выдраться. Когда хотѣла итти прочь, тогда почувствовала чрезвычайное сопротивленіе; однакожъ наконецъ вырвалась, но услышала тонъ произшедшей отъ его листья, и подобной вздохамъ. Что! вскричала она, розовой кустъ воздыхаетъ? Онъ дѣлаетъ и того больше, Сударыня, сказалъ онъ ей, и вы имѣете власть заставить его говорить; дозвольте, чтобъ разсказалъ онъ вамъ печальную свою исторію.

Я Принцъ, продолжалъ онъ. Скрыли отъ меня то, чего драгоцѣннѣе нѣтъ на свѣтѣ. Я жилъ васъ не видя; и вотъ чего мнѣ стоитъ то, что я васъ пошелъ искать. Волшебница дала мнѣ сей видъ и предвѣщала что буду я хранить оной по тотъ день, когда полюбитъ меня наипрекраснѣйшая особа въ свѣтѣ; но видимое мною здѣсь должно хранимо быть для Боговъ, и я опасаюсь, чтобъ не быть мнѣ вѣчно розовымъ кустомъ. Принцесса ему не отвѣчала. Не знаю что ревностное заняло мѣсто радости, которую причиняли ей

поклоны

поклоны розоваго куста; она почла его дерзновеннымъ, что осмѣлился обнять ея своими сучьями; она покинула его, но не безъ того, чтобъ не оглядываться многократно къ партеррѣ. Умъ ея терзался довольно сходственными склонностьми, хотя почитала она ихъ отличными. Оживленной розовой кустъ приводилъ ея въ удивленіе; сокрытой подъ онымъ Принцъ возбуждалъ въ ней сожаленіе, хотя имѣла нѣкоторую досаду за то, что дерзнулъ онъ ей говорить о любьви, однако прощала любовнику ради его превращенія, и стыдилась, чтобъ сердиться на розовой кустъ.

Принцесса пришла и на другой день въ партерру; она хотя и старалась стоять далеко отъ розоваго куста, однако оной ея не могъ не увидѣть, и она слышала его жалобы. Долго прохаживаясь паки къ нему приближилась, и старалась утѣшать о его превращеніи, не соотвѣтствуя ему на протчее.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, увидя его подверженнаго произволенію воздуха, велѣла для него построить небольшой мраморной кабинетъ, поддерживаемой пилластрами, куда его часто смотрѣть ходила: нечувствительно при-

привыкла она во умѣ своемъ придавать ему видъ человѣческой, а притомъ и любьви достойной; мало по малу начала сносить и то, что говорилъ онъ ей о любьви. Казалось ей, что разговоры дерева не могли быть опасны. Розовой кустъ умѣлъ пользоваться симъ благопрїятнымъ дозволенїемъ: говорилъ о томъ много; но подавалъ притомъ знать, что еще гораздо того больше скрывалъ; и по безпорядку превосходящему краснорѣчїе, увѣрилъ ея, что она весьма страстно была любима.

Принцесса помышляла толь часто о семъ чудесномъ розовомъ кустѣ, что напослѣдокъ ниочемъ иномъ болѣе не думала. Мраморной кабинетъ было то мѣсто, которое непрестанно ея къ себѣ привлекало; она иногда произносила и нѣжныя слова предъ Принцемъ, которой возбуждалъ въ ней великую жалость; но угрожающее волшебницыно предвѣщанїе не могло изъ ума ея выпти: можетъ быть уже то ея терзало, чего и не видала; однако въ томъ сомнѣвалась, поелику видѣла одно только дерево; боялась возвратить ему первой его образъ, а иногда, противъ воли своей того желала. Но розовой кустъ съ своей стороны

роны находилъ причину къ жалобамъ не смотря на ласковѣйшія слова, кои говорила ему Принцесса. Естьли должно мнѣ повѣрить вашимъ разговорамъ и прилагаемымъ обо мнѣ стараніямъ, сказалъ онъ ей, то возбуждаю я въ васъ сожалѣніе; но не довольно вы онаго имѣете, естьли не воспріимете обо мнѣ большаго; и сіе сладкое чувствованіе наипрекраснѣйшей въ свѣтѣ особы, не возвратитъ мнѣ прежняго моего образа.

Между тѣмъ Королева не могла снести болѣе отсутствія своей дочери, и приказала ей немедлѣнно быть къ себѣ. Ето былъ громовой ударъ для Принцессы, надлежало разлучиться съ розовымъ кустомъ, къ которому въ ту минуту начала имѣть прямую страсть. Она пролила множество слезъ на его листье, кое не могло быть орошено ими, не возчуствуя доброты оныхъ. Тотчасъ розовой кустъ изчезъ, и Флоринда увидѣла предъ собою прекраснаго Принца. Онъ обнялъ ея колѣна, со всемъ будучи увѣренъ, что ею любимъ; удовольствіе, кое почти не бываетъ никогда безопасно для другихъ любовниковъ; всѣ обыкновенные знаки подозрительны въ сравненіи съ симъ чудеснымъ произшествіемъ: и потому

воображенїе его счастїя такъ его восхитило, что потерялъ онъ, такъ сказать, употребленїе своихъ чувствъ; и казалось, поелику онъ ихъ паки получалъ, потолику прилѣплялся еще нѣсколько къ тому дереву, подъ коимъ сокровенъ былъ.

Флоринда взглянувъ на толь любезнаго Принца, почувствовала умноженїе своей любви; но стыдъ ея потомужъ умножался: она сожалѣла о томъ, что скрывало предъ нею собственныя ея склонности. Возвратилась ко двору, а Принцъ за нею послѣдовалъ. Королева невѣдавшая ничего о приключенїи розоваго куста, но знавшая только породу принцеву, дозволила ему свататься за дочь свою. Онъ видѣлъ каждой день свою обладательницу, но уже не безъ свидѣтелей: сожалѣлъ часто о корѣ своей; она бы менѣе его принуждала нежели всѣ благочинїя, коихъ отъ него требовали.

Принцъ спѣшилъ своимъ бракомъ; но Флоринда устрашенная странною своею любовїю, побуждавшею ея бояться предсказанїя волшебницы, принудила Королеву на то согласиться, чтобъ удалила она на время ея жениха, дабы удостовѣриться въ его постоянствѣ, преж-

де нежели ему предаться. Она велѣла ево къ себѣ позвать. Принцъ, сказала ему, ты знаешь, что я тебя люблю, а послѣ сего слова имѣю право располагать твою судьбину. Предсказанїе моихъ несчастїй меня устрашаетъ, все что ни должно побуждать меня того бояться, дѣйствительно случилось. Когда не будешь ты увѣренъ въ томъ, что ты страстно любимъ, то печаль моя можетъ тебя въ томъ удостовѣрить; а естьли будешь ты не столько любимъ, то предупрежду я мое несчастїе, отставъ отъ тебя; но несмотря на страхъ мой, того я здѣлать не могу, и хочу лутче, чтобъ подавъ мнѣ прямые знаки нашей вѣрности, испровергнулъ ты предсказанїе. Ты не видалъ болѣе никого, кромѣ меня, когда меня полюбилъ. Я можетъ быть не инако умѣла тебѣ понравиться, какъ въ разсужденїи новости, надобно тебя испытать, поди, поживи во островѣ *Юности*, по тотъ день, когда позову я тебя назадъ. Поѣжжай, я ласкаю себя съ удовольствїемъ, что чемъ пребыванїе тамъ прелестнѣе, тѣмъ отъѣздъ для тебя будетъ болѣзненнѣе. Какое предложенїе для любимаго любовника! Съ того времени, какъ узналъ онъ любовь, видѣлъ

всегда

всегда то что любилъ, и никогда разлука ему въ голову не приходила. Жить въ отдаленіи отъ Флоринды, казалось ему толь ужасно, что думалъ быть при послѣднемъ издыханіи; онъ не имѣлъ силы на то жаловаться, слезы ево текли, а онъ того не чувствовалъ; и вся его поступка изъявляла толь великую любовь, что Принцесса не могши сопротивляться толь жестокой страсти, ушла въ покой Королевинъ, отъ туда велѣла сказать своему любовнику, чтобъ онъ не видя болѣе ея повиновался, и только лишь бы поѣхалъ, а она уже будетъ стараться усладить его мученія.

Принцъ отправился въ путь съ такимъ повиновеніемъ, какому послѣ его примѣра не видано. Онъ прибылъ больной на островъ *Юности*, и думалъ тамъ найти лѣкарей; но оныхъ никогда на островѣ сего имени не бывало. Смѣхи, игры и любови его приняли, бросая ему розы; и благорастворенной тамошней воздухъ скоро возвратилъ ему здоровье и всѣ прелѣсти, коихъ лишился было онъ отъ своей печали. Повели его во дворецъ того мѣста Королевы, дорогою покрытою тѣми цвѣтами, кои произрастаютъ въ началѣ весны: онъ

увидѣлъ особу имѣвшую всѣ пріятности красоты, со всею веселостію и дѣтскимъ радостнымъ видомъ. Ей было только и отъ роду четырнатцать лѣтъ; сидѣла она на ясминномъ престолѣ; тьма любовей около ея лѣтали; иныя увивали ея оранжевыми цвѣтами, другія сыпали оные ей на голову, иныя оную ими убирали, и спускали волосы ея на бѣлую шѣю; она шутила съ своими женщинами, и бросала къ нимъ цвѣты съ удивительною пріятностію. Сіе зрѣлище было удобно къ уменшенію въ немъ склонностей къ Флориндѣ. Королева *Юности* не была за мужемъ, потому что хотѣла имѣть мужа равныхъ съ собою лѣтъ и веселостей, а сіе не могло случиться. Принцу было уже дватцать четыре года. Нѣкоторыя изъ служанокъ Королевиныхъ спрашивали у него о состояніи прошедшихъ вѣковъ. Но Королева стала на него взирать благопріятно. Сей десятилѣтнѣй вѣкъ, которой различалъ ихъ лѣта, изчезъ въ разсужденіи пріятностей, коими Принцъ одаренъ былъ. Сія Государыня, не позабыла ничего, чтобъ его обязать; ласкательныя слова, малыя шутливыя поступки, коихъ толкъ весьма ревностенъ, все было употребляемо,

все

все было слышано, хотя Принцъ будучи хитрѣе ея, притворился, будто того не внималъ. Она изъяснилась откровеннѣе, здѣлала брачныя предложенія съ такими выгодами, кои могли наиболѣе тронуть любьви достойнаго человѣка, хотящаго быть онымъ всегда, владѣть вѣчно, и безъ нарушенія, всѣми сокровищами, безъ коихъ другїе суть ничто, всѣми прїятностями и всѣми забавами. Трудно было, чтобъ Принцъ отказался принять такое приданое, которое она ему принести обѣщалась. Онъ позабылъ мало по малу Флоринду. Но скоро паки настало такое время, что принудила она его вспомнить, что она еще была на свѣтѣ. Едва находилась она одинъ день не видя Принца, какъ почувствовала весь ужасъ того, чтобъ жить не видя любимаго предмѣта: однакожъ домогалась преодолѣть свои склонности; когда она ужѐ любила не видавъ, то хотѣла ли выпти за мужъ не знавъ, постоянно ли была любима? Недѣля прошла въ сихъ замѣшательствахъ, но она чуть отъ онихъ не погибла; страхъ и ревность соединились съ печалїю отсутствїя. Надлежало жертвовать любьви разсужденїями,

 она

она послала къ Принцу, коему вручено было отъ ней письмо:

Естьли страждешь ты столькожъ, сколько я, то сколь ты жалости достоинъ! Я не могу понести моихъ и твоихъ печалей; не хочу отважиться тебя потерять, желая надъ мѣру въ тебѣ удостовѣриться; довольно, ты уже достоинъ быть награжденъ за то, что попинопался наижесточайшему изъ всѣхъ въ свѣтѣ повелѣнiй. Увы! я не знала довольно жестокости онаго; но теперь оную почувствовала, и разсуждаю, что не можешь ты ей понести; прiѣжжай обратно; почто ты уже не здѣсь.

Сiе письмецо получено было въ весьма удобное время; Принцъ, коему, въ его уединенiи, дано было воспитанiе весьма строгое, не имѣлъ еще времени испортиться въ свѣтѣ; онъ думалъ, что не дозволяется быть непостоянну; и несмотря на склонность, кою имѣлъ къ Принцесѣ *Юности*, вышелъ изъ острова, но какъ удалялся медлительно изъ такого мѣста, кое было для него прелѣстно, то читалъ въ нѣкоторыхъ плакатахъ, кои находилъ на пути своемъ, что онъ объявленъ непрiятелемъ королевства, и рушителемъ общаго покоя. Королева обѣщала тѣмъ, кои вручатъ ей сего бѣглеца живаго или мертваго

мертваго, тѣ же милости, кои она ему готовила.

Не требовалось больше ко изцѣленїю Принцеву. Онъ поспѣшилъ своимъ побѣгомъ, и прибылъ къ ногамъ Флориндинымъ, которая видя его возвратившагося, не имѣла силы изслѣдывать, вѣренъ ли онъ ей былъ Она вышла за него, и Принцъ ставши Королемъ по смерти своего родителя, повезъ свою супругу въ свои области, гдѣ бракъ, по обычаю, прекратилъ всѣ прїятности жизни ихъ. Счастливы бы онѣ были, естьли бы пребывали при честной холодности! но люди прїобыкшїя любиться, не столь разсудительны, сколь другїе, и не бываютъ примѣромъ хорошаго домостроительства. Принцъ по праздности разсказалъ Флориндѣ, что имѣлъ онъ нѣкоторую слабость къ Королевѣ *Юности*; Флоринда дѣлала ему столько выговоровъ, какъ будто бы не была ево жена; онъ тѣмъ былъ жестоко тронутъ и раздраженъ; жаловался о томъ, и хотѣлъ себя въ томъ утѣшить съ дамами своего двора; она за нимъ присматривала, и примѣтивъ осыпала бранными словами; наконецъ гонимъ будучи отъ ея свирѣпства, просилъ волшебницъ, чтобъ стать ему паки розовымъ

кустомъ, что получивши за милость себѣ вмѣнилъ. Флоринда съ своей стороны, ревнуя, имѣла толь слабую голову, что не могла терпѣть запаху такого цвѣта, которой напоминалъ ей о ея любьви. Съ того самого времени отъ розъ всегда запахъ бываетъ.

Королева похвалила сказку Инесину; Донъ Карлосъ приписывалъ ей безмѣрную похвалу, а Маркизъ Лерма, хранимымъ имъ молчанїемъ, подавалъ причину думать, что помышлялъ онъ нѣчто всѣ ихъ похвалы превосходящее. Леонора думавшая одна привлекать его взоры, примѣтила, что устремлялись они на другую сторону; она дѣлала Инесѣ многїе вопросы о сей сказкѣ, съ толикою же хитростїю, съ коликимъ и огорченїемъ. Инеса отвѣчала на то съ такою прїятностїю, которая изъявляла совершенство ея качествъ.

На другой день Леонора приготовилась, разсказывать свою сказку и старалась какъ можно преуспѣть предъ Инесою. Повѣсть ея началась такимъ образомъ:

РИКЕТЪ-А ЛА ГУПЪ.

Нѣкоторой большой господинъ изъ Гранады, обладая богатствомъ достойнымъ его породы, имѣлъ домашнюю скуку помрачавшую все удовольствіе во обладаніи такими сокровищами, коими счастіе его одарило. Единая дочь его, рожденная со всѣми прелѣстьми красоты, была толь глупа, что сама красота служила только къ придаванію ей непріятности. Поступки ея не имѣли ничего показующаго пріятность; станъ ея хотя былъ видѣнъ, однако казался дурнымъ; потому что недоставало души ея тѣлу.

Мама [имя сей дѣвицы] не имѣла довольно разума, чтобъ знать то, что она со всемъ онаго не имѣла; но того не преминула она почувствовать, что скучала, хотя не узнавала сама, отъ чего. Въ одинъ день какъ прогуливалась она одна (что дѣлывала обыкновенно) увидѣла она вышедшаго изъ земли человѣка довольно гнуснаго, чтобъ казаться чудовищемъ; станъ его возбудилъ въ ней желаніе бѣжать, но слова его Маму паки къ нему обратили: Постой, сказалъ онъ ей, я имѣю объявить тебѣ нѣчто скучное, но обѣщаю

тебѣ, что отъ того произойдетъ впредь пріятное.

Съ красотою твоею, имѣешь ты не знаю что такое побуждающее отвращать отъ тебя взоръ; а сіе происходитъ отъ того, что ты ничего не мыслишь; и не хвалясь скажу тебѣ, что сей недостатокъ гораздо превосходитъ мой, ибо я есмь тѣломъ то самое, что ты разумомъ. Вотъ что надлежало мнѣ сказать жестокаго: но по глупому виду, съ коимъ ты на меня взираешь, разсуждаю я, что много тебѣ здѣлалъ чести, когда боялся тебя обидѣть; и сіе принуждаетъ меня отчаеваться въ причинѣ моихъ предложеній: однакожъ отваживаюсь здѣлать тебѣ оныя. Хочешь ли ты имѣть разумъ? Да, отвѣчала ему Мама, съ такимъ видомъ, какъ бы сказала нѣтъ. Надобно любить Рикетъ-а ла Гупа, ето мое имя; надобно за меня черезъ годъ вытти, сей договоръ я тебѣ предлагаю; помысли о томъ, естьли можешь: естьли нѣтъ, по вторяй часто слова, кои я тебѣ скажу, онѣ научатъ тебя напослѣдокъ думать. Прости на годъ. Вотъ тѣ слова, кои изгонятъ изъ тебя глупость, и въ тожъ время изцѣлятъ твою слабость.

О ты, что въ свѣтѣ все любовью оживляешь,
Естьли о Купидонъ сїе мнѣ обѣщаешь.
Что какъ начну любить, не буду ужъ я скотъ,
То вѣрно я любить готова смертныхъ родъ.

Чемъ болѣе Мама сїи стишки говорила, тѣмъ станъ ея казался прекраснѣйшимъ, видъ становился живѣе, поступка вольнѣе; она ихъ повторяла: пошла къ своему отцу, говорила съ нимъ порядочно, мало по малу разумно, а потомъ и весьма остроумно. Такое великое и скорое превращенїе не могло быть неузнанно тѣми, кои болѣе всѣхъ принимали въ ней участїя. Жениховъ пришло множество: Мама не была болѣе уединенна, ни на балахъ, ни при прогуливанїяхъ, она здѣлала скоро многихъ невѣрными, многихъ ревнивыми; ни о комъ кромѣ ей не говорили, ни по комъ кромѣ ей не воздыхали.

Между всѣми тѣми, кои нашли ея любьви достойною, не возможно было, чтобъ не нашла она никого статнѣе и пригожее Рикетъ-а ла Гупа; разумъ, которой онъ ей даровалъ, худую здѣлалъ услугу своему благодѣтелю. Слова, кои она вѣрно повторяла, внушили въ нее любовь; но по противному

дѣйствїю намѣренїямъ начальника сей любьви, оная не къ нему была чувствуема.

Наистатнѣйшей изъ тѣхъ, кои о ней воздыхали, имѣлъ первенство. Онъ былъ не наисчастливѣйшїй съ стороны счастїя: и такъ отецъ ея и мать, видя, что пожелали онѣ несчастїя своей дочери, желая ей разума, и не могши уже лишить ея онаго, дѣлали ей по малой мѣрѣ противу любьви наставленїя; но запрещать любить молодой и прекрасной особѣ, ето бы значило запрещать дереву, дабы не испускало оно изъ себя листья въ Маїѣ мѣсяцѣ: она еще пуще отъ того полюбила Араду [имя ея любовника].

Она остерегалась весьма, чтобъ не сказывать никому, какимъ случаемъ достала она разумъ. Тщеславїе ея брало въ томъ участїе, чтобъ скрывать сїю тайну: тогда имѣла она довольно разума, чтобъ понять важность того, какъ получила она оной.

Между тѣмъ годъ, которой оставилъ ей Рикетъ-а ла Гупъ, дабы научиться думать и вознамѣриться за него вытти, почти уже минулъ; она взирала на срокъ онаго съ крайнею печалїю. Разумъ ея, которой сталъ уже

ей

ей бѣдственнымъ подаркомъ, не дозволялъ ей пропускать ни малѣйшаго печальнаго обстоятельства; потерять на вѣки своего любовника, и быть во власти того, коего почитала за безобразнѣйшаго человѣка, что было может быть наименьшимъ его недостаткомъ, наконецъ того, за коего обязалась она вытти, принявъ его даръ, коего не хотѣла ему возвратить. Таковы были ея разсужденія.

Въ одинъ день когда размышляя о жестокой своей судьбинѣ заблудилася, услышала она великой шумъ, и подземныя голоса, кои пѣли тѣ слова, которымъ научилъ ея Рикетъ-а ла Гупъ: она отъ того вострепѣтала; ето былъ предзнакъ ея несчастія. Тотчасъ земля разверзлася; она опустилась туда нечувствительно, и увидѣла тамъ Рикетъ-а ла Гупа, окруженнаго такими же безобразными людьми, каковъ онъ самъ былъ. Какое зрѣлище для такой особы, за коей послѣдовало все то, что было любезнѣйшаго въ ея отечествѣ! Печаль ея была еще больше нежели удивленіе; она проливала источники слезъ не говоря ни слова: сіе было единственное тогда употребленіе

разума дарованнаго ей отъ Рикетъ-а ла Гупа.

Онъ съ своей стороны посмотрѣлъ на нее прискорбно: Государыня моя, сказалъ онъ ей, не трудно мнѣ видѣть, что я тебѣ кажусь гораздо непрїятнѣйшимъ, нежели въ первой разъ: я погубилъ самъ себя, даровавъ тебѣ разумъ; но ты еще имѣешь свободу, и можешь избирать любое, либо за меня вытти, либо впасть въ прежнѣе твое состоянїе; я возвращу тебя паки твоему отцу, такову какову тебя нашелъ, или здѣлаю обладательницею сего королевства. Я Король надъ Гномами, ты будешь Королевою; и естьли похочешь сносить безобразїе моего вида и жертвовать удовольствїемъ твоихъ очей, то всѣ другїя забавы для тебя будутъ изобиловать. Я владѣю сокровищами въ землѣ заключенными, ты будешь оныхъ обладательницею. Я опасаюсь, чтобъ не имѣла ты какой нибудь ложной нѣжности; опасаюсь, что бы посреди всѣхъ моихъ сокровищъ не показался я тебѣ гнуснымъ; но естьли сокровища мои со мною, тебѣ не угодны, то говори, я отведу тебя далеко отъ сюда, ибо не желаю ничего такого, чтобъ нарушало мое благополучїе. Даю тебѣ два дни

дни сроку, дабы узнать сїе мѣсто, и рѣшить мою и свою судьбину.

Рикетъ-а ла Гупъ оставилъ ея, отведши въ великолѣпной покой: тамъ служили ей пола ея Гномы, коихъ безобразїе менѣе ея терзало нежели гнусность мущинъ. Поставили ей обѣдъ, гдѣ недоставала только хорошая компанїя. Послѣ обѣда смотрѣла она комедїю, коей безобразные актїоры воспрепятствовали ей брать во оной участїе. Въ вечеру былъ для ней балъ, но она находилась на ономъ не желая понравиться: и такъ почувствовала она смертельное неудовольствїе, которое бы непремѣнно принудило ея отказаться какъ отъ богатствъ такъ и отъ забавъ Рикетъ-а ла-Гуповыхъ, естьли бы угроженїе глупости ея не удержало.

Дабы свободиться отъ гнуснаго супруга, приняла бы она паки безъ труда на себя глупость, естьлибъ не имѣла любовника; но сїе бы значило лишиться жесточайшимъ образомъ сего любовника. Правда, что и безъ того она его должна лишиться; вышедъ за Гнома, не могла никогда видѣть Арады, ни говорить съ нимъ, ниже увѣдомить его о своемъ состоянїи: онъ могъ подозрѣвать ея невѣрностїю.

Наконецъ,

Наконецъ, надлежало ей быть за такимъ мужемъ, которой лиша ея того, что она любила, былъ бы ей всегда мерзокъ, хотябъ былъ и любьви достоинъ; но къ томужъ былъ онъ уродъ. И такъ намѣренїе не безъ труда ей принять возможно было.

По двухъ дняхъ въ неменшемъ находилась она безъизвѣстїи; сказала Гному, что невозможно ей было учинить выборъ. Сїе значитъ рѣшить противу меня, сказалъ онъ ей; и такъ хочу возвратить тебѣ перьвое твое состоянїе, котораго ты избрать не смѣешь. Она затрепетала; мнѣнїе, потерять своего любовника чрезъ то презрѣнїе, кое онъ къ ней возъимѣетъ, толь жестоко ея тронуло, что принуждена была отъ него отказаться. Когда такъ, сказала она Гному, то ты рѣшилъ, надобно быть твоею.

Рикетъ-а ла Гупъ не дѣлалъ затруднѣнїя, онъ на ней женился, и разумъ Маминъ умножился еще симъ бракомъ; но несчастїе ея увеличивалось по мѣрѣ ея разума: она устрашилась, что отдала себя чудовищу, и не могла понять, какъ возможно ей было препровождать съ нимъ жизнь.

Гномъ примѣтилъ ненависть своей жены, и тѣмъ терзался, хотя великимъ

ликимъ одаренъ былъ разумомъ. Сїе омерзѣнїе упрекало ево непрестанно безобразїемъ, и побуждало его проклинать женщинъ, бракъ и любопытство приведшее его внѣ себя. Онъ покидалъ часто Маму; и какъ была она въ состоянїи думать, то вздумала, что надлежало увѣрить Араду собственными его глазами, что она не непостоянна. Онъ могъ подойти къ сему мѣсту, потому что и она туда лехко опустилася; надлежало по малой мѣрѣ ево о себѣ увѣдомить, и извиниться въ своемъ отсутствїи, приписуя вину Гному, которой ея похитилъ, и коего взоръ отвѣтствовать ему могъ за ея вѣрность. Нѣтъ ничего невозможнаго для разумной женщины, которая любитъ. Она подкупила одного Гнома, которой Араду объ ней увѣдомилъ. По счастїю время вѣрныхъ любовниковъ еще продолжалося. Онъ приходилъ въ отчаянїе отъ забвенїя Мамина, не огорчась тѣмъ: ругательныя подозрѣнїя во умъ его не входили, жаловался, умиралъ, не имѣя такой мысли, которая бы могла обидѣть его обладательницу, и не стараясь изцѣлиться. Не трудно повѣрить, что съ такими мыслями пошелъ онъ искать Маму подвергнувъ жизнь свою опас-

опасности, какъ скоро узналъ про то мѣсто, гдѣ она находилась, и что не запрещала она ему туда притти.

Онъ прибылъ въ тѣ подземныя мѣста, гдѣ жила Мама. Увидѣвъ бросился къ ея ногамъ. Она говорила ему съ великимъ остроумїемъ и нѣжностїю. Онъ получилъ отъ нея позволенїе отрѣчься отъ свѣта, и жить подъ землею, а она долго въ томъ была неупросима, хотя не имѣла другаго желанїя, какъ принудить его къ воспрїятїю сего намѣренїя.

Веселость Мамина мало по малу возвратилась, и красота ея была тѣмъ совершеннѣе. Но любовь Гномова тѣмъ была потревожена; онъ имѣлъ много разума, и зналъ довольно отвращенїе жены своей и такъ немогъ повѣрить, чтобъ привычка къ нему усладила ея мученїе. Мама имѣла неразумїе убираться, онъ отдавая себѣ справедливость, не могъ вѣрить, чтобъ онъ былъ того достоинъ. Домогаясь толь много, открылъ наконецъ, что есть во дворцѣ его весьма статной мущина, содержащейся скрытно. Сего было довольно. Онъ выдумывалъ большее мщенїе, нежели то, чтобъ отъ него отдѣлаться. Велѣлъ позвать къ

къ себѣ Маму: Я не стараюсь приносить жалобы и дѣлать выговоры, сказалъ онъ ей; оставляю ихъ людямъ долею. Когда даровалъ я тебѣ разумъ, тогда хотѣлъ онымъ пользоваться. Ты употребила оной противъ меня; однакожъ не могу я отнять у тебя совсемъ онаго, ты повиновалась закону, которой на тебя наложенъ былъ. Но хотя и не нарушила ты нашего трактата, однако не наблюдала его по самой строгости. Раздѣлимъ ссору: ты будешь имѣть разумъ только во время ночи, потому что не хочу я имѣть глупую жену, а днемъ будешь ты такою, для кобо тебѣ угодно. Мама въ сïю минуту почувствовала тягость разума, коего скоро и совсѣмъ не стала чувствовать. Во время ночи мысли ея возбуждались; она начинала разсуждать о своемъ несчастïи, плакала, и не могла утѣшиться, нижѐ сыскать способъ, которой бы ей подало ея проницанïе.

Въ слѣдующую ночь примѣтила она, что мужъ ея крѣпко спалъ; она положила ему подъ носъ такую траву, которая умножила сонъ ево, и оной продолжался столько, сколько она хотѣла; она встала, дабы удалиться отъ предмѣта своего гнѣва. Ведома будучи своими мысля-

ми, пошла въ ту сторону, гдѣ жилъ Арада, не для того, чтобъ его искать, но ласкаясь можетъ быть, что онъ ея ищетъ. Она нашла его въ той аллеи, гдѣ онѣ часто разговаривали, и гдѣ онъ всегда съ нею забавлялся. Мама разсказала ему о своихъ несчастїяхъ, и оныя услаждены были удовольствїемъ, кое имѣла, объ нихъ ему разсказывать.

Въ слѣдующую ночь сошлися онѣ непримѣтно въ томъ же мѣстѣ, и сїи молчаливыя свиданїя продолжались толь долгое время, что несчастїе ихъ служило только къ тому, дабы побудить ихъ тѣмъ, вкушать новой родъ благополучїя. Разумъ и любовь Мамины подавали ей тьму способовъ, быть прїятной, и побудить Араду, позабыть то, что половину ея времени была безъ разума. Когда любовники чувствовали приближенїе дня, тогда Мама ходила будить Гнома, она старалась отнять отъ него усыпительную траву, какъ скоро подлѣ него находилась, при наступленїи дня становилась она безъ ума, но употребляла сїе время на спанїе.

Состоянїе нарочито счастливое не можетъ всегда продолжаться; тотъ листокъ, которой принуждалъ спать, принуждалъ такожде и храпѣть. Одинъ

Гномъ

Гномъ изъ служителей, которой ни крѣпко спалъ, ни не спалъ, думалъ, что господинъ ево жалуется: онъ побѣжалъ къ нему, примѣтилъ траву, которая была положена ему подъ носъ, отнялъ прочь оную, думая, что она его безпокоитъ; и сїе старанїе здѣлало троихъ вдругъ несчастными. Гномъ увидѣлъ себя одного; искалъ въ свирѣпствѣ своей жены; случай или злая ея судьбина привела его на то мѣсто, гдѣ обое любовниковъ клялись вѣрною и вѣчною любовїю: онъ не сказалъ ничего, но дотронулся до любовника прутикомъ; что здѣлало ево съ нимъ подобнаго вида; и какъ съ нимъ долго прохаживался, то Мама не распознала его болѣе отъ своего мужа. Но можетъ быть, что она въ томъ ничего не потеряла: ибо и любовники по долговремянности становятся супругами.

Леонора окончала такимъ образомъ свою сказку; хотя была она не безъ искуства выдумана, и расказыванїе ея не безъ разума, однако Принцъ розовой кустъ гораздо больше понравился Маркизу Лермѣ: мало недоставало, что онъ не нашелъ оную смѣху достойною, дабы освободиться отъ того, чтобъ ея сравнивать. Никакая

похвала изъ устъ его не выходила; казалось, что долженствовалъ онъ всѣми Инесѣ, и чтобъ лишилъ онъ ея тѣхъ, кои бы по праву приписалъ другимъ.

Леонора огорченная его безмолвїемъ съ нѣкоторымъ основанїемъ, вознамѣрилась ему отмстить, воспрепятствуя ему разговаривать съ Инесою; по старанїю ея въ томъ ей и удалося; онъ находилъ ея по всюду; какъ скоро начиналъ говорить съ Инесою, такъ скоро она къ нимъ приближалася, и рѣчи ихъ пресѣкала. Между тѣмъ страсть Лермова усиливалась тѣмъ препятствїемъ, кое находилъ въ объявленїи оной; и хотя Инеса долженствовала первою заразою оной своимъ прелѣстямъ, однакожъ по малой мѣрѣ частїю сего жара должна она была безпокойству своей совмѣстницы.

Не возможно было, чтобъ толь сильная страсть не свѣдома была той, которая ее внушила. Маркизъ Лерма ходилъ по всякой день къ Королевѣ; взоры и старанїя изъявляли страсть ево и тѣмъ самимъ, кои не имѣли во оной участїя: онъ былъ любьви достоинъ; онѣ были такой природы, что другъ друга стоили; чемъ больше

препят-

препятствовали ему изъяснить свои мысли, тѣмъ больше жестокость страсти ево умножалася.

Въ семъ принужденномъ состоянїи долго онъ находился; но наконецъ, когда Донъ Людовикъ Кордуанской, отецъ Инесинъ, прибылъ ко двору, то сїе была нѣкоторая отрада для Лермы, когда разсуждалъ, что могъ по малой мѣрѣ предъ нимъ въ томъ изъясниться. Но случай подалъ ему скоро способъ поговорить съ самою Инесою; хотя то было и при непрїятныхъ обстоятельствахъ.

Донъ Людовикъ Кордуанской, коего Король посылалъ въ Португаллїю, возвратился отъ туда съ Королевою, сестрою Филиппа II. Она не имѣла другаго намѣренїя, какъ повидаться съ своимъ братомъ и съ Королевою Елисаветою, коея красота весьма много прославилась. Король принялъ Королеву, сестру свою съ чрезвычайнымъ великолѣпїемъ, присоединивъ разныя увеселенїя, къ той чести, которую велѣлъ ей отдавать. Онъ учредилъ для нея богатое пиршество въ Аранжуецѣ, куда приглашенъ былъ весь дворъ: дамы поѣхали туда въ весьма богатомъ убранствѣ, въ каретахъ Неаполи-

аполитанскими лошадьми заложенныхъ. Леонора и Инеса сидѣли съ своею гофмейстериною въ одной изъ сихъ каретъ: Кавалеры ѣхали верьхами и разговаривали съ дамами ѣдучи по сторонамъ каретъ. Лерма увидя съ одной стороны Кавалера разговаривающаго съ Леонорою, поѣхалъ по другую сторону, дабы разглагольствовать съ Инесою; но Леонора, слушая больше разговоровъ своей товарищки, нежели своего Кавалера, здѣлала замѣшательство въ разговорахъ, кое всѣмъ имъ воспрепятствовало помыслить, что находились онѣ близъ рѣки ведущей къ Аранжуецу, и что лошади, не взирая на проворство кучерово, вошли во оную удалившись нѣсколько отъ той дороги, по которой онѣ ѣхали. Инеса пришла отъ того въ такое замѣшательство, что подвергнулась той опасности, коей избѣжать хотѣла, и поднявъ крикъ, выскочила изъ кареты, и упала въ рѣку; но Лерма будучи скоръ ей на подмогу, бросился за нею, и ея отъ туда вытащилъ.

Между тѣмъ кучеръ толь проворно умѣлъ править вожжами лошадей, что отвратилъ ихъ отъ рѣки; но когда онѣ изъ оной вышли, то съ такимъ свирѣпствомъ побѣжали, что онъ больше

ше ими управлять былъ не въ силахъ, а Леонора, находившаяся въ каретѣ, была въ неменьшей опасности, какъ и ея подруга, такъ что никто ей помочь не могъ, потому что разговаривавшей съ нею Кавалеръ, не могъ опередить лошадей, дабы ихъ остановить.

Инеса упала въ обморокъ отъ обладавшаго ею ужаса, и отъ множества проглощенной ею воды; но какъ прибѣжало нѣсколько людей, то отнесли ея въ отстоящей отъ туда не подалеку домъ, и силою стараній возвратили ей чувства. Какъ скоро находилась она въ состояніи различать предмѣты, такъ скоро увидѣла Лерму предъ своими ногами, и подумала, что то былъ онъ конечно, которой свободилъ ея отъ опасности. Радость, быть обязанной такому человѣку, котораго любить толь великую имѣла склонность, была перьвымъ ея движеніемъ; но сія самая мысль возбуждала въ ней страхъ. Лерма примѣтившей ея смущеніе, стоялъ долгое время, не смѣя ей говорить. Наконецъ пресѣкши молчаніе: Я весьма несчастливъ, милостивая государыня, сказалъ онъ ей; хотя не желалъ иной награды кромѣ вашего согласованія на

то счастїе, которое я имѣлъ спасти дни ваши, однакожъ вы и въ томъ мнѣ отказываете. Я должна съ удовольствїемъ тебѣ жизнїю, отвѣчала она ему, но то приводитъ меня въ смущенїе, что нахожусь здѣсь одна. Ахъ, сударыня, сказалъ онъ ей, ты находишься здѣсь съ такимъ человѣкомъ, которой тебя обожаетъ, и которой тебѣ никогда того сказать не смѣлъ. Я навлекаю можетъ быть на себя гнѣвъ твой, говоря тебѣ, трепещу, и нахожусь еще въ большей опасности, нежели была та, отъ которой ты избѣжала; не покинь меня въ семъ недоумѣнїи. Я не могу тебѣ отвѣтствовать, сказала она ему, пока буду въ семъ мѣстѣ. Ахъ! сударыня, вскричалъ онъ, когдажъ возможно мнѣ будетъ говорить съ тобою индѣ? Тьма препонъ тому противоборствуютъ, и я не вижу тебя въ готовности дозволить мнѣ, чтобъ изъяснился я предъ тѣми, кои бы непремѣнно утвердили страсть мою къ тебѣ. Отъ ковожъ можетъ зависѣть мое счастїе, кромѣ тебя одной? Я не запрещаю тебѣ ничего, сказала она ему, кромѣ того, чтобъ пребывать со мною болѣе.

Лерма покинулъ ея съ прискорбностїю смѣшенною съ порадованїемъ; казалось

лось ему, что утверждала она его намѣренія брака, но безъ страсти съ ея стороны; и сія безмѣрная стыдливость, кою она ему изъявляла, казалась ему весьма несходственною съ его любовію.

Лерма оставилъ ея, дабы искать, какъ бы отвести ея въ Мадритъ, куда она возвратиться желала, потому что не въ силахъ была появиться при празднествѣ; но Донъ Людовикъ услыша, что она упала, пріѣхалъ къ ней самъ, и велѣлъ ея туда вести.

Онъ съ своей стороны подалъ помощь Леонорѣ, опередивъ лошадей, коихъ онъ остановилъ. Благодарность Леонорина была равна той опасности, коей она подвергалася; смущеніе увеличило ея красоту, а онъ былъ къ оной не нечувствителенъ. Возвратился въ Аранжуецъ, гдѣ остатокъ дня старался съ нею разговаривать; а Леонора воспріявъ надежду отмстить Инесѣ и Лермѣ, естьли возбудитъ къ себѣ любовь Дона Людовика, употребила всю хитрость, которую во умѣ своемъ имѣла, дабы имъ овладѣть.

Донъ Людовикъ имѣлъ къ любьви такую склонность, которую пятидесятилѣтнѣе время не могло привесть въ ослабленіе, довольно было у него

богатства, дабы ожидать благополучнаго успѣха въ своихъ намѣреніяхъ.

Маркизъ получилъ безъ труда отъ него позволеніе свататься за его дочь; но какъ скоро Леонора о семъ увѣдала, то съ такимъ проворствомъ поколѣбала она разумъ Дона Людовика, что разсуждалъ онъ долгое время о семъ бракѣ уже по утвержденіи имъ онаго. Медлѣнность казалась худою предвозвѣстницею симъ двумъ любовникамъ; однакожъ разговаривали онѣ у Королевы, и имѣли по малой мѣрѣ ту отраду, что могли вмѣстѣ печалиться.

Инеса во ожиданіи брака, приобыкла слушать любовныя предложенія; да и научилась отвѣтствовать тѣмъ же языкомъ. Леонора менѣе пресѣкала разговоры ихъ, потому что провождала время съ Дономъ Людовикомъ; и желая овладѣть его разумомъ ко вреду ихъ, имѣла съ нимъ продолжительные разговоры.

Въ то время при дворѣ ни очемъ кромѣ радостей не думали, и ничего иного кромѣ забавъ не искали. Королевины фрелины выдумали игру, которая произвела новыя; обирали потихоньку мнѣнія о комъ нибудь изъ собранія; всякъ подавалъ свое, и

ежели

ежели случалось, что Кавалеръ имѣлъ одинакое мнѣнїе съ какою нибудь дамою, то принужденъ онъ былъ здѣлать для нея банкетъ. Тогда начали спрашивать мнѣнїя о Инесѣ. Леонора любопытствуя знать, что отъ того произойдетъ, помышляла, естьли возможно объявить согласное мнѣнїе съ Маркизомъ Лермою: она совѣтовала Инесѣ, любить того, которой ея больше всѣхъ полюбитъ; а сїе было и Маркизово мнѣнїе; и такъ по правиламъ игры надлежало ему здѣлать банкетъ для Леоноры. Сей банкетъ былъ великолѣпенъ и веселъ, часть двора на ономъ находилась; но онъ не могъ себя принудить къ тому, чтобъ не оказать всей чести Инесѣ, хотя Леонора имѣла право ожидать оной: и для того не могла она обладать своею скукою. Права, сказала она Лермѣ, ежели бы спросили у меня мнѣнїя о тебѣ, то бы я тебѣ совѣтовала здѣлать лучче банкетъ для Инесы нежели для меня. Надобно все упустить любовнику, сказалъ онъ ей; ты знаешь, что я люблю Инесу: она здѣсь.

Онъ могъ говорить о своей любви, потому что Донъ Людовикъ позволилъ ему свататься за свою дочь, но по несчастїю говорилъ онъ о томъ любовницѣ.

Никогда

Никогда данное имЪ ИнесѢ преимущество не бывало ей толь чувствительно, и хотя она вЪ томЪ и прежде не сомнѢвалась, однако николи еще не доходило до того, чтобЪ онЪ ей о томЪ обЪявилЪ; она нашла вЪ томЪ великое неучтивство, чтобЪ сказать молодой особѢ, что онЪ имѢетЪ любовь кЪ другой. ПослѢ сего казался онЪ не дѢлающимЪ нималѢйшаго вниманія на учиненной ему ею выговорЪ, за худое его употчиваніе. ОнЪ разговаривалЪ только сЪ Инесою, а Леонора не наблюдала никакихЪ мѢрЪ; ни любовь ни ненависть, не могутЪ ни когда быть несовершенны. Леонора не приняла брачныхЪ предложеній, кои учинилЪ ей ДонЪ ЛюдовикЪ, ОстатокЪ горячности, которую чувствовала еще кЪ ЛермѢ, возбуждалЪ вЪ сердцѢ ея, по неволѢ, нѢкоторую надежду за него вытти, естьли потеряетЪ онЪ надежду тѢми препятствіями, кои дѢлала она браку его сЪ Инесою; но какЪ наконецЪ досада овладѢла умомЪ ея, то не осталось вЪ ней болѢе ничего кромѢ желанія ко отмщенію.

На другой же день сказала Дону Людовику, что она за него выдетЪ, только сЪ тѢмЪ договоромЪ, естьли обЪявитЪ онЪ публично ЛермамЪ, что союзЪ

юзъ ихъ ему непрїятенъ, и что выдаетъ онъ Инесу за Барона Сильву, ея брата.

Сей Баронъ, коего ни разумъ, ни сердце не имѣли никакой нѣжности, не могъ однако быть нечувствителенъ къ красотѣ Инесиной. Мнѣнїе, взять за себя толь прелѣстную особу, возбудило въ немъ нѣкоторой родъ любьви, которая не имѣла ничего кромѣ желанїй.

Донъ Людовикъ бывъ надмѣру влюбленъ, принялъ сїе предложенїе, каково бы оно ни было; такъ что запретилъ своей дочери, разговаривать съ Маркизомъ Лермою, и приказалъ ей взирать на Барона Сильву, какъ на будущаго своего супруга.

Никогда печаль не бывала подобна той, которую почувствовала Инеса при семъ несчастїи. Повелѣнїе было толь ужасно, что недоставало въ ней силы, оному повиноваться; и хотя думала, что надлежало вознамѣриться къ тому, чтобъ не видѣть больше Маркиза Лерму, однако почувствовала, что не можно ей на то добровольно согласиться, чтобъ выйти за Барона Сильву. Не для того, чтобъ перьвое изъ сихъ золъ казалось ей надмѣру великимъ; но надѣялась всегда найти какую нибудь отраду въ достоинствѣ своего постоянства.

Препроводивъ ночь въ слезахъ, Инеса принуждена была итти въ покои Королевины; и проходя ведущія туда переходы, нашла Маркиза Лерму, которому Донъ Людовикъ далъ знать о своихъ намѣреніяхъ.

Онъ шелъ тутъ въ той надеждѣ, чтобъ съ нею встрѣтиться, и увѣдать последнее ея намѣреніе. Печаль видна была равно на лицахъ ихъ: онѣ посмотрѣли другъ на друга видомъ изъявляющимъ ихъ несчастіе и изображающимъ чувствованія ихъ. Надобно намъ другъ съ другомъ на вѣки проститься, сказала ему Инеса, проливая слезы, и многихъ еще несчастій намъ опасаться надлежитъ. Хотятъ, чтобъ вышла я за Барона Сильву. За Барона Сильву! вскричалъ съ печаліею Маркизъ. Нѣчевожъ мнѣ тебѣ говорить, примолвилъ онъ съ великимъ почтеніемъ, кромѣ того, что буду я тебя любить вѣчно. Предпиши мнѣ только, что надлежитъ дѣлать, сказала ему Инеса; то увидишь, до чего будетъ простираться моя вѣрность. Потомъ ево оставила, не могши пребывать болѣе въ семъ мѣстѣ не будучи отъ другихъ видима.

Инеса бросилась къ ногамъ Королевы, и просила ея употребить власть свою,

дабы

дабы воспрепятствовать ей вытти за Барона Сильву: но Леонора предупредила ея въ пользу своего брата; и уже по пролитіи ею источника слезъ, упросила Инеса Королеву, чтобъ она уговорила Дона Людовика объ отлагательствѣ ея брака на нѣсколько мѣсяцовъ.

Лерма и Инеса не могши болѣе говорить другъ съ другомъ, нашли способъ переписываться посредствомъ одной дѣвушки, именемъ Матильды, которая совершенно была Инесѣ предана; но сіе невинное удовольствіе произвело несчаетное приключеніе.

Принцъ Донъ Жованъ Австрійской, коего почитали за сына Квичіадина, былъ признанъ Филиппомъ II. за сына Карла V. Сіе признаніе здѣлалось въ Валладолидѣ. Король будучи на охотѣ, призвалъ его къ себѣ, и облобызалъ какъ своего брата въ присутствіи всего двора. Они препроводили тамъ нѣсколько дней, и возвратились въ Мадритъ. Королева оставалась тамъ по причинѣ своей беремѣнности, и прогуливалась въ придворномъ саду, какъ пришли ей сказать, что Король пріѣхалъ съ Принцемъ Дономъ Жованомъ. Она пошла на встрѣтеніе ихъ до воротъ, и какъ всѣ за нею послѣдовали, то всякъ

ста-

старался смотрѣть на сего новаго Принца. Во время сего замѣшательства, та, которая относила письма Инесины къ Лермѣ, думала, что можно ему отдать одно непримѣтнымъ образомъ; такъ что приближась къ нему, и поговоривъ съ нимъ, отдала ему оное: онъ взялъ и положилъ его съ торопостїю въ свой карманъ, ожидая того, чтобъ можно ему было выйти для чтенїя онаго; но Баронъ Сильва, стоявшей не подалеку отъ туда, и наблюдавшей всѣ его поступки съ такимъ тщанїемъ, которое солюбовнику сродно, приближился, и какъ народъ началъ тѣсниться, то вытащилъ онъ изъ подтиха письмецо изъ кармана Лермина. Сей Маркизъ вышелъ, какъ скоро могъ вырваться изъ тѣсноты, и пошелъ въ одну садовую аллею, дабы читать письмо Инесино: но сколь велика была его печаль, не нашедъ у себя онаго! Баронъ Сильва захватившей оное, читалъ его въ другой аллеи, и нашелъ въ немъ слѣдующїи слова:

Я нахожу всегда въ твоихъ письмахъ такую благодарность, которая меня поражаетъ, и обѣщаетъ мнѣ только слабое понятїе о твоей страсти. Правда, что для тебя противилась я сопзволенїю

моего

моего родителя, но ты кажешься всегда тому удивлятся. Сколь бы жестоко для меня то было, естьлибъ здѣлалъ ужѣ столько, не могла я тебя увѣрить о моей склонности! Хотя обязаннымъ ты мною быть кажешься за мою поступку, однако не увѣряешься въ моихъ склонностяхъ; странно мнѣ, что ты ихъ не знаешь, и не чувствуешь, сколько принуждена я была противиться тому, что можетъ мнѣ воспрепятствовать, быть твоею. Меня оскорбляетъ страхъ твой и о будущемъ. Почто хочешь ты, чтобъ Баронъ Сильва рѣшилъ такое дѣло, которое я ужѣ рѣшила въ твою пользу? Развѣ не можешь ты увѣриться столько и въ моемъ мужествѣ, сколько въ моемъ сердцѣ? Положи на меня старанїе о избѣжанїи сего брака такимъ образомъ, что тебѣ то ничего не будетъ стоить; ты будешь имѣть больше удовольствїя, положась въ томъ на меня, а меня тѣмъ болѣе обяжешь.

Маркизъ Лерма, которой былъ въ свирѣпомъ безпокойствѣ, не нашедъ сего письма, возвратился назадъ и встрѣтился съ Барономъ Сильвою, когда онъ читалъ его съ великимъ тщанїемъ и гнѣвомъ. Лерма приближась по тихоньку, застигъ ево въ томъ; онъ былъ довольно близко, чтобъ узнать

почеркъ Инесинъ, и спросилъ ево, кто вручилъ ему сїе письмо. Баронъ, читавшей въ томъ мѣстѣ, гдѣ упомянуто было о немъ, отвѣтствовалъ Лермѣ, что онъ получилъ тотъ вызовъ на поединокъ, котораго Инеса боялась. Лерма, которому крайнѣй важности то было, чтобъ получить назадъ письмо Инесино, вырвалъ у него изъ рукъ оное, и сказалъ ему, что послѣ сего онъ готовъ, здѣлать ему удовольствїе, дабы въ удобномъ мѣстѣ перевѣдаться. Но Сильва, разъярившись гнѣвомъ, выхватилъ шпагу; и не смотря на почтенїе къ тому мѣсту, наступилъ на него прежде нежели онъ могъ противустать. Между тѣмъ Лерма имѣлъ еще силу вытащить свою шпагу, и поколоть оною правую руку Баронову, которой отъ почувствованной имъ болѣзни уронилъ шпагу свою изъ рукъ. Лерма хотѣлъ было ея подхватить; но ослабѣвъ потерянїемъ изтекшей изъ него крови, упалъ такъ, какъ будто былъ подъ нимъ спрятанъ. Однакожъ держалъ шпагу свою въ рукахъ, и какъ Сильва хотѣлъ ея у него вырвать, то получилъ онъ ударъ въ лице, что привело его въ крайнѣе свирѣпство.

Сей

Сей бой долженствовалъ бы непремѣнно имѣть плачевныя слѣдствія, естьли бы не прибѣжало множество людей, кои принудили Барона къ бѣгству. Онъ началъ бой, и не могъ быть прощенъ Королемъ за то, что бился въ его дворцѣ, и почти въ глазахъ его, такъ что Донъ Людовикъ бывшей изъ числа туда прибѣжавшихъ на шумъ, допустилъ его убѣжать чрезъ малинкіе двѣрцы, кои нашелъ онъ отворенныя. Какъ весь народъ слѣдовалъ за Принцемъ Дономъ Жованомъ, и домъ Дона Людовика не былъ отдаленъ, то лехко было Барону Сильвѣ туда уйти, не бывъ видиму кромѣ малаго числа людей. Тамъ перевязали его раны, кои не были опасны, а въ вечеру перенесли его въ незнакомое мѣсто. Между тѣмъ Маркизъ Лерма потерявъ множество крови, лежалъ растянувшись на томъ мѣстѣ, и слухъ пронесся, что онъ умеръ. Инеса, которая давно не переставала печалиться, не могла вытерпѣть сего послѣдняго удара, и упала въ обморокъ въ объятіяхъ одной Королевиной фрелины. Леонора сама возчуствовала сію вѣсть, и по счастію увѣдавши, что братъ ея ра-

ненъ, могла прикрыть тѣмъ свое смущенїе.

Маркиза Лерму перенесли въ другое мѣсто, и примѣтили, что онъ еще имѣлъ дыханїе. Король изъявилъ великой гнѣвъ, за то что дерзнулъ онъ обнажить шпагу, въ толь близкомъ отъ него отстоянїи будучи. Онъ приказалъ Герцогу Лермѣ, его родителю, отвѣтствовать ему за него, пока онъ не излѣчится. Лѣкари нашли раны его неопасными, а друзья его старались уговаривать Короля, представляя ему, что ето единственно произошло отъ того, что защищалъ онъ жизнь свою.

Принцъ Донъ Жованъ знавшей его въ Толедѣ, старался объ немъ съ великимъ усердїемъ; но не могъ воспрепятствовать, чтобъ Король не сослалъ сего Маркиза въ Алкалу. Баронъ Сильва, знавъ, что онъ былъ наивиновнѣйшїй, выѣхалъ тайно изъ Мадрита, гдѣ женился онъ на одной дѣвицѣ, влюбившись во оную, которая была породы весьма съ нимъ несоотвѣтствующей. Какъ почувствованное имъ къ Инесѣ была менѣе страсть, нежели намѣренїе, на ней жениться, то сїе намѣренїе, хотя принятое, не могло устоять противъ отсутствїя.

Леонора

Леонора отъ сего брака приходила въ отчаяніе; она не видѣла больше надежнаго средства, отмстить Лермѣ, и отложила вытти за Дона Людовика. Лерма свободился отъ совмѣстника; но неудовольствіе, быть въ отдаленіи отъ Инесы, не дозволяло ему наслаждаться симъ покоемъ: всякой человѣкъ казался ему совмѣстникомъ, и могъ быть онымъ. Иногда помышлялъ онъ, что Инеса съ печалію брала участіе въ его отсутствіи, но тѣмъ не довольствовался, желая ея видѣть.

Принцъ Донъ Жованъ приѣхалъ въ Алкалу, дабы его навѣстить; и дружба Принцева его бы утѣшила, ежели бы любовникъ могъ имѣть утѣшеніе, будучи въ отдаленіи отъ своей обладательницы. Дружество Дона Жована и Маркиза Лермы началось съ дѣтства ихъ; они обучались ексерциціямъ вмѣстѣ въ Толедѣ, училищѣ всѣхъ молодыхъ придворныхъ господъ.

Донъ Жованъ не почитавшей себя тогда инако, какъ сыномъ Квичіадинымъ, вмѣнялъ себѣ за честь, что Лерма отличалъ его отъ другихъ, дабы съ нимъ содружиться; и съ того времяни, какъ былъ онъ признанъ за сына Карла V,

 хотѣлъ

хотѣлъ всегда равно почитаться его другомъ. Послѣ того какъ Лерма былъ пять или шесть мѣсяцовъ въ Алькалѣ, узнали, что завелося новое возмущенїе во Фландрїи. Принцъ Донъ Карлосъ имѣлъ крайнѣе желанїе командовать войсками, кои туда послать надлежало: но Король, которой не хотѣлъ ему поручить въ команду такую великую силу, опасаясь, чтобъ не употребилъ онъ во зло своей власти, поручилъ команду сихъ войскъ Герцогу Альбѣ. Маркизъ Лерма оказалъ уже свою храбрость во многихъ случаяхъ; друзья ево, а особливо Принцъ Донъ Жованъ, пользуясь симъ случаемъ, испрашивали его пощаду, и безъ труда оную получили.

Инеса увидѣла паки на нѣсколько дней своего любовника; но какъ запрещенїе, его не видѣть, было усугублено, и она долго ево видѣть не могла, то сїе было для ней такое принужденїе, которое хотя не столь жестоко сколь его отсутствїе, превосходило однакожъ жестокостїю всѣ протчїя мученїя. Онъ искалъ видѣть ея на единѣ; она того желала, но любовь имъ не благопрїятствовала. Сего было не довольно, еще и богатства имъ недоставало. Лерма поѣхалъ съ Герцогомъ Альбою, и былъ счастливъ

стливъ во всѣхъ должностяхъ, кои сей Генералъ на нево налагалъ. Сїе Фландрїйское возмущенїе на нѣсколько времяни успокоилось, строгостїю Герцога Альбы, которой велѣлъ арестовать Графовъ Горна и Егмонда, начальниковъ возмущенїя.

Герцогъ Альба возстановивъ нѣкоторой родъ спокойствїя, послалъ назадъ Маркиза Лерму съ нѣкоторыми войсками, а самъ остался еще во Фландрїи, для продолженїя имъ начатаго дѣла.

Лерма возвратился въ Мадритъ, и нашелъ тамъ печальную перемѣну. Принцесса Эволи не могши болѣе терпѣть холодности Дона Карлоса, начала жестоко ево ненавидѣть, и постаралась внушить сїю склонность и въ своего мужа: Онъ ужѐ имѣлъ великое желанїе вредить сему Принцу, потому что бывши его Гофмейстеромъ, поступалъ съ нимъ всегда такъ сурово, что боялся имѣть ево своимъ государемъ. Они согласились ево погубить: внушили Королю, что сей Принцъ имѣлъ виновное обхожденїе съ Королевою; и извѣстно, что Филиппъ II., которой былъ строгаго и несчастливаго нрава, осудилъ на смерть его единаго сына, которой избралъ

такую казнь, что велѣлъ себѣ въ ваннѣ изъ всѣхъ жилъ пустить кровь.

Не много времени спустя, Королева, какъ думали, не была изключена отъ его свирѣпства. Онъ велѣлъ ея отравить ядомъ, хотя была она и беремѣнна. Маркизъ Лерма приѣхалъ туда въ самой день ея смерти. Онъ нашелъ Филиппа въ довольно спокойномъ состоянїи, дабы допустить его къ себѣ, и разсуждать съ нимъ о всемъ произшедшемъ во Фландрїи: онъ еще и былъ толь несчастливъ въ своихъ разговорахъ, что понравился своему Государю, которой будучи принужденъ послать во Францїю со обвѣщенїемъ о смерти Елисаветиной, почтилъ его сею должностью: онъ поручилъ ему также залючить тайной трактатъ съ Карломъ IX. и Катериною де Медицисъ противъ Гугенотовъ, кои имѣли знатныхъ людей начальниками.

Лерма принялъ сей знакъ почтенїя съ такою печалїю, которую принужденъ былъ скрывать подъ наружнымъ видомъ благодарности. Надлежало еще удалиться отъ Инесы: онъ почиталъ настоящую свою честь не болѣе какъ и бывшую его немилость; и оныя казались ему долгою цѣпью злоключенїй. Безпорядочныя

дочныя обстоятельства бывшїя тогда по причинѣ смерти Королевиной, подали ему средство увидѣться съ Инесою, и на канунѣ своего отъѣзда вкрался онъ въ кабинетъ, гдѣ находилась она одна. Сперва Инеса удивилась, увидя Лерму въ семъ мѣстѣ; и несчастливыя слѣдствїя, кои могло имѣть сїе свиданїе, уму ея представились; но сїи разсужденїя уступили той радости, чтобъ его видѣть и съ нимъ переговорить.

Онѣ разсказали другъ другу о всѣхъ тѣхъ мысляхъ, кои обладали ими во время ихъ несчастїя, и увидѣли, что въ разсужденїи жестокости ихъ любьви вѣчно онѣ любиться не престанутъ; однако не оставили выспрашивать другъ у друга о взаимныхъ о томъ увѣренїяхъ. Ты не сомнѣваешься о искренности моего сердца, а я не сомнѣваюсь о искренности твоего, сказалъ Маркизъ Инесѣ. Но скажи мнѣ однакожъ, никогда ли я оной не лишуся. Ты будешь имѣть многїя побѣды, возстанутъ и новые бароны Сильвы. Возможно ли тебѣ будетъ сопротивляться всегда соизволенїю родительскому? Отвѣтствуй мнѣ за будущїя твои склонности, помышляй, что я наинесчастливѣйшїй человѣкъ въ свѣтѣ. Люблю тебя, но не буду видѣть, и

жестокое предчувствованіе побуждаетъ меня еще опасаться, столькожъ моего возвращенія, колико онаго желаю. Ахъ! когда кто любимъ бываетъ такъ, какъ ты, то чего ему опасаться, отвѣчала ему Инеса. Само счастіе мое наводитъ на меня безпокойство, сказалъ онъ ей, знаю все, чево ты стоишь; полюбилъ тебя безприкладно; и естьли надобно будетъ съ тобою разлучиться, то что останется для меня, какого могу ожидать благополучія, потерявъ наималѣйшую изъ твоихъ склонностей? Ты будешь еще долгое время обремѣненъ сею печалію, отвѣчала она, естьли станешь ее имѣть до тѣхъ поръ, пока будешь любимъ: но знай меня, положись на мое сердце, на мои склонности, больше нежели на самого себя. Ахъ! ково могу я любить больше Маркиза Лермы? Естьли что въ свѣтѣ такое, чтобъ ево въ томъ не увѣрило? Естьли надобно только отвѣтствовать за будущія мои мысли, то вѣрь, что отсутствіе твое ужѐ весьма довольно мнѣ показало то мученіе, которое имѣла живучи безъ тебя; и что естьли бы не имѣла я надежды, быть когда нибудь твоею, то бы отказалась я отъ жизни: и развѣ не видишь ты, что не могу я никогда перемѣниться?

настоящее время есть тебѣ залогомъ будущаго.

Онѣ разговаривали еще долго, и имѣли время изъяснить всѣ свои мысли. Но когда другъ друга покинули, тогда находили многое такое, что еще другъ другу сказать позабыли. Лерма вышелъ ни отъ кого не видимъ будучи, и на другой день отправился во Францiю.

Королева была весьма великолѣпно погребена, и всѣ ея фрелины были разпущены; и такъ Инеса возвратилась паки въ домъ Дона Людовика. Онъ поступалъ съ нею какъ съ непослушною дочерью, далъ ей вмѣсто тюрмы комнату, и она не видѣла никого такого, кому бы могла ввѣрить свою печаль: но еще пуще утвердилась страсть ея отнятiемъ у нея всей помощи: она помышляла о томъ непрестанно, и никогда столько Лерму не любила, сколько тогда, когда не слышала объ немъ ничего больше.

Нѣсколько мѣсяцовъ была она въ семъ состоянiи; но напослѣдокъ Леонора не могши преуспѣть въ томъ, чтобъ отмстить Маркизу Лермѣ, имѣла однакожъ всегда къ тому желанiе: хотя находила она выгоды съ стороны счастiя, чтобъ вытти за Дона Людовика, однако всегда отлагала сей бракъ,

опасаясь, чтобъ любовь бракомъ не уменьшилась, и что она менѣе будетъ въ состоянiи, побудить его къ предпрiятiю всего того, чего она желать казалась. Она не отважилась принуждать его выдать за мужъ свою дочь, пока Королева могла ея защищать: но когда нестало Королевы, тогда дала она ему знать, что наконецъ она вознамѣрилась за него выпти, естьли будетъ онъ помышлять о замужствѣ Инесы, прежде нежели самъ женится; потому что не возможно ей къ тому вознамѣриться, дабы имѣть всегда предъ глазами такую особу, кою обвиняла она всѣми несчастiями своего брата. Донъ Людовикъ будучи всегда влюбленъ, не преминулъ согласиться на сiи предложенiя, и помышлялъ какъ бы лишить ея всѣхъ причинъ медлѣнности. Онъ устремилъ глаза свои на Графа Медину де Ласъ Торреса, прiѣхавшаго не давно ко двору, и бывшаго уже въ пожиломъ возрастѣ. Онъ зналъ Лерму со времени послѣдней войны; но бывъ всегда внѣ Мадрита, не свѣдома ему была страсть его къ Инесѣ.

Донъ Людовикъ ввелъ его въ комнату своей дочери, и сказалъ ему, что онъ его назначилъ ей супругою. Ласъ Торресъ

росъ смотрѣлъ на нее не весьма пристально, и потому не могъ разсмотрѣть всѣхъ ея прелѣстей: не для того, чтобъ боялся онъ прилѣпиться надмѣру къ ея красотѣ; напротивъ того, можно сказать, что малое познанїе, которое имѣлъ онъ о сей опасности, его отъ того сберегло.

Инеса вышла изъ бѣдственнаго спокойствїя, къ коему она приобыкла. Уединенїе побуждало ея наслаждаться нѣкоторою прїятностїю, о которой думала, что оно больше нарушено не будетъ, и надѣялась по малой мѣрѣ, что нечево ей больше тамъ думать, какъ сожалѣть о отсутствїи Маркиза Лермы: но жестокость Дона Людовика еще и до того простиралась, что не оставилъ онъ ей и сего толь невиннаго удовольствїя; и она опасалась, что не можно ей показаться ему толь вѣрною, какъ она ему обѣщала. Она просила времени, дабы вознамѣриться къ сему браку; и какъ получила только одну недѣлю на то сроку, то искала способа, какъ бы привести себя между тѣмъ въ безопасность. Монастырь показался ей единственнымъ убѣжищемъ отъ своего родителя. Правда, что тогда надлежало отказаться и отъ Марки-

за на вѣки, но не быть ни чьею; и она написала къ нему слѣдующее письмецо:

Власть моего родителя преодолѣваетъ мои обѣщанія, но не преодолѣетъ моей страсти: онъ хочетъ меня принудить къ замужству. Для избѣжанія толь жестокаго рока, пріемлю я намѣреніе удалиться въ такое мѣсто, гдѣ не буду имѣть другой выгоды, какъ помышлять о тебѣ на свободѣ; а сію выгоду предпочитаю я всѣмъ другимъ на свѣтѣ.

Инеса видя, что слезы и моленія ея были безплодны, приняла притворно предлагаемое ей замужство, дабы имѣть болѣе свободы, слѣдовать своему намѣренію; и на канунѣ дня назначеннаго къ ея сочетанію съ Графомъ де Ласъ Торресомъ, вышла она съ одною изъ дѣвушекъ, коихъ онъ уже къ ней прислалъ для услуженія, и которую она своею ласкою привлекла на свою сторону; онѣ пошли въ дѣвичей монастырь, въ которомъ сестра Дона Людовика была игуменьею.

Тетка Инесина оказывала ей всегда отмѣнное дружество: и увидя, что она пришла вся въ слезахъ, просить ея покровительства, не отказала ей во ономъ.

Эльвира

Эльвира (имя той дѣвушки, которая послѣдовала за Инесою) пошла и сказала Графу, что невѣста его вознамѣрилась не возвращаться, но въ монастырѣ постричься. Ласъ Торресъ пришелъ въ удивленїе, и пошелъ въ тотъ же самой часъ къ Дону Людовику, дабы его о томъ увѣдомить. Сей отецъ хотящей отъ дочери повиновенїя, былъ тѣмъ жестоко огорченъ: Леонора приходила отъ того въ отчаянїе: Сей постоянства опытъ, которой Инеса хотѣла подать Маркизу Лермѣ, отъ нево отказавшись, долженствовалъ ея принудить любить его вѣчно. Инеса имѣла годъ времени на разсужденїе, чтобъ постричься. Сїя медлѣнность надмѣру была велика, какъ для отмщенїя Леонорина, такъ и для самой любьви Дона Людовика, предъ которымъ она клялась, что не выдетъ за него прежде, пока не будетъ выдана Инеса.

Скоро предсталъ случай ко устрашенїю Инесы. Маркизъ Лерма не могъ пребывать твердъ въ своей должности, увѣдавъ, что ей на вѣки лишается. Разумъ его оставилъ: онъ поѣхалъ изъ Францїи, поручивъ всѣ дѣла такому человѣку, на котораго больше полагался, и не разсуждая, что дѣлалъ тѣмъ госу-

дарственное преступленіе, не слушалъ ничего кромѣ своей любьви.

Сама прилѣжность употребленная имъ въ его пути воспрепятствовала ему пріѣхать скоро. Трудности и досада причинили въ немъ болѣзнь, и вѣдомость о его отъѣздѣ нѣсколькими днями его предускорила. Филиппъ II. былъ больше строгъ, нежели чтобъ простить такое преступленіе; и присоединивъ гнѣвъ къ природной своей строгости, велѣлъ его арестовать не подалеку отъ Мадрита, и производить надъ нимъ судъ чрезъ государственной совѣтъ. Донъ Людовикъ Кордуанской былъ въ ономъ главнымъ судьею, Ласъ Торресъ имѣлъ второе мѣсто, и власть сопряженная съ ихъ кредитомъ здѣлала ихъ самовластными надъ его судьбиною. Смерть или вѣчное заточеніе въ тюрьму, были тѣ наказанія, кои могли они ему опредѣлить. Смерть соотвѣтствовала строгости ихъ государя, и должна была устрашить тѣхъ, кои не исполняютъ своей должности. Вѣчная тюрма согласовалась съ его преступленіемъ. И такъ оба сіи приговора зависѣли нѣкоторымъ образомъ отъ судей. Донъ Людовикъ объявилъ своей дочери, что она имѣетъ способъ спасти жизнь Маркиза Лермы,

коему

коему онъ по тому только непрїятелемъ здѣлался, что она ево любитъ, что естьли она вознамѣрится выттти за Графа де Ласъ Торреса, то они соединятся къ уменьшенїю приговора, которой надлежало имъ заключить противу Лермы.

Инеса не могла устоять противъ такихъ угроженїй, сопротивленїе ей не споборствовало бы; и хотя помышляла, что ея постоянство, сколь ни сильно оно было къ Лермѣ, было бы ей гораздо прїятнѣе своей жизни, которую бы она ему сохранить хотѣла, однако почитала за самонужнѣйшую должность, чтобъ свободить его отъ смерти.

Она сказала своему родителю, что, понеже онъ самъ способствовалъ къ возбужденїю ея склонности къ Лермѣ, то признается она ему, что одно мнѣнїе, свободить его отъ опасности, могло ея побудить къ сему намѣренїю; и что такимъ образомъ, чтобъ выттти за Торреса, будетъ она ожидать, покамѣстъ жизнь Лермова будетъ въ безопасности.

Леонора не такъ ненавидѣла Лерму, чтобъ желать ему смерти. Она думала, что долговременное его заточе-

нїе, которое одно ему только прїобрѣсть могли, приведетъ Инесу въ несостоянїе, помышлять о бракѣ съ нимъ; такъ что дала она слово Дону Людовику, чтобъ выттти за него въ тотъ же самой день, въ которой Инеса выдетъ за Торреса.

Судъ начался, нѣкоторые судьи утверждали приговоръ о смерти, но посредствомъ Дона Людовика и Торреса, по большинству голосовъ приговорено было вѣчное только заточенїе.

Донъ Людовикъ женился на Леонорѣ, а Инеса вышла за Ласъ Торреса, коего сердце не зная никогда любьви, обязалося бракомъ. Какъ имѣлъ онъ къ тому только слабыя желанїя, то оныя благополучїемъ ево умножились.

Когда Инеса вышла за Графа де Ласъ Торреса, и увидѣла себя въ несостоянїи, быть когда нибудь за Лермою, нижѐ помышлять о немъ безъ стыда, то удивилась, что ввергла себя сама въ сїю бѣздну. Различїе настоящихъ и прошедшихъ ея несчастїй, казалось ей весьма великимъ; все умъ ея безпокоило, и все казалося ей новою препоною ея склонностямъ: она находилась нѣкоторымъ образомъ и отъ Элвиры въ принужденїи, которая

со всемъ

со всемъ ей была предана, и которую Графъ де Ласъ Торресъ ей отдалъ. Печаль ея стыдилась оказываться въ глазахъ другаго съ такою жестокостїю, и съ такимъ изумленїемъ. Страхъ, которой имѣла изъясниться, побуждалъ ея жестоко чувствовать, сколь подозрительными долженствовали ей казаться движенїя ея сердца: естьли бы жила она одна, то бы никогда не помыслила, что толь несчастная любовь есть преступленїе. Однакожъ будучи убѣждена прозьбами Элвиры, которой не отрывала она никогда своихъ склонностей, и которая не могла снести взора слезъ ея; и наконецъ не могши противиться своей склонности, чтобъ не говорить о Лермѣ, призналась ей во оной, извиняя себя такимъ образомъ, которой показывалъ, что она не со всемъ извиненїя недостойна.

Маркизъ Лерма привезенъ былъ въ Мадритъ. Онъ взятъ былъ тамъ подъ арестъ, содержался подъ онымъ съ крайнѣю строгостїю; не имѣлъ дозволенїя ни съ кѣмъ говорить, нижѐ получать письма: и такъ судьбина Инесина со всемъ ему была не свѣдома. Сїе жестокое безъизвѣстїе усугубляло его мученїя, потому что не слышалъ ничего о своей обладательницѣ. Графиня

Торреста, съ своей стороны, смертельно терзалась тѣмъ мученїемъ, которое онъ для ней претерпѣвалъ; глаза ея всегда были омочены слезами. Элвира, съ коею прїобыкла она разговаривать всегда о своей страсти, искала всего того, что могло ея утѣшить, и скоро представъ случай ей услужить. Братъ Элвиринъ назначенъ былъ для охраненїя Маркиза Лермы во время отсудствїя Порутчика того за́мка, въ коемъ онъ содержался. Однакожъ не такъ она начала, чтобъ увѣдомить о семъ точно Графиню, но представляла ей, что Лерма достоинъ былъ того, дабы подать ему нѣкоторое облехченїе чрезъ письма, увѣряя ея, что нѣтъ ничего невозможнаго, ежели не недостаетъ къ тому соизволенїя. Сїи слова привели сперьва добродѣтель Графинину въ удивленїе; она и не приняла ихъ какъ химерическихъ; но потомъ прїобыкла слушать ихъ съ бо́льшимъ вниманїемъ. Несчастїя, въ кои ввергнулъ себя Лерма тѣмъ, что ея любилъ, требовали, чтобъ она ихъ услаждала и изъ сожалѣнїя, и по справедливости, хотя бы и любовь не имѣла въ томъ участїя. Мало по малу довела себя до того, что помышляла только о трудности въ

томъ

шомъ преуспѣть. Тогда Элвира увѣдомила ея, что братъ ея въ состоянiи оказать ей услугу. Еще новою препоною для Инесы была удобность, нарушить свою должность? Но естьли проектъ будучи невозможнымъ ей понравился, то какъ уже немогъ ей понравиться будучи весьма удобнымъ. Она хотѣла писать къ Лермѣ, но какъ надлежало ей начать? Какъ сказать ему, въ разсужденiи всего того, что онъ претерпѣвалъ, что она не могла избѣжать другаго замужства? Довольно ли бы было писемъ ко извиненiю ея при сихъ обстоятельствахъ? Что скажетъ онъ о томъ, дражайшая Элвира, вскричала она, что не могла я содержать предъ нимъ моего обѣщанiя? Онъ почтетъ меня за слабую и легкомысленную, не взирая на все то, что я ему напишу; и могу ли я найти довольно выраженiй, чтобъ согласовать мой бракъ съ моими склонностьми.

Элвира видя изъ сего смущенiя, что она имѣла больше желанiя увидѣть Лерму, нежели къ нему отписать, старалась споспѣшествовать оному.

Графиня надумавшись, что письмо ея приведетъ Лерму еще въ лютѣйшее состоянiе, нежели было то, изъ коего

она ево хотѣла вывесть, вознамѣрилась его увидѣть, ежели возможно, въ тюрьмѣ: онъ достоинъ былъ сей милости, сколько за его несчастія, столько и въ разсужденіи склонностей, кои она къ нему имѣла: онъ имѣлъ отъ ней письма, которыя она назадъ требовать за свою должность почитала. Наконецъ умѣла найти въ томъ причину добродѣтели, что единственно любовь ея предпріимать побуждала.

Элвира уговорила своего брата ко всему тому, чего отъ него требовала, потому что мало находилъ онъ для себя опасности, показать Лерму, такимъ женщинамъ, кои сами по себѣ были обязаны, хранить тайну, и потому что постарались знатными подкупить его къ тому подарками. Элвира увѣдомила Графиню о успѣхѣ своего предпріятія, которая видя себя въ состояніи увѣдомить Лерму, что она замужемъ, взирала на сію минуту съ ужасомъ.

Вотъ послѣдній день, въ которой онъ меня любить будетъ, вскричала она, лишаю его всея надежды; а между тѣмъ не могу снести нималѣйшаго уменьшенія его страсти, довольно и того, что

должность

должность моя побуждаетъ меня бороться и съ моею горячностію.

Она послала Элвиру съ письмомъ, кое бы приуготовило его ея увидѣть, не увѣдомляя его о ея замужствѣ; но случилась перемѣна въ счастіи Маркиза Лермы.

Принцъ Донъ Жованъ, старавшейся только о способахъ, какъ бы ево спасти, пропустилъ перьвыя движенія гнѣва Филиппа II; и дабы поступить тѣмъ надежнее, то пребылъ онъ нѣсколько времени не говоря ни слова. Онъ притворился, будто позабылъ своего друга, и вступилъ въ гнѣвъ Королевской, дабы имѣть больше удобности, лишить ево онаго; въ чемъ по догадкамъ ево ему и удалося. Донъ Жованъ возбудилъ въ Королѣ желаніе, чтобъ поговорить самому съ плѣнникомъ о томъ, что началъ онъ производить во Франціи, нечувствительно сталъ онъ его извинять въ жестокости страстей, которыя въ человѣкѣ здѣлавшемъ то въ перьвой разъ достойны были извиненія. Страсть Лермова къ Инесѣ была не безъизвѣстна, и не можно было сомнѣваться, что любовь была единственною причиною его преступленія. Король всегда любилъ сего молодаго человѣка: и такъ

объявили ему о прощеніи, и свободили изъ темницы, въ такое время, когда онъ наименѣе того надѣялся.

Элвира въ сію минуту пришла туда отъ Графини. Первое стараніе состояло въ томъ, чтобъ спросить ея, не замужемъ ли Инеса? Въ которомъ она мѣстѣ; и любитъ ли ево еще? Элвира зная, что госпожа ея для себя предохранила, увѣдомить его о толь бѣдственныхъ вѣстяхъ, кои надлежало услышать отъ милой особы, сказала ему, что онъ имѣетъ причину быть доволенъ любовію: наконецъ когда онъ ея принуждалъ, объявить о замужствѣ Инесиномъ, и ежели бы она не отвѣтствовала, то бы сіе значило ея въ томъ признаніе, то сказала ему, что Инеса еще ево быть можетъ. Какъ сіи слова его удостовѣрили, то помышлялъ онъ только о томъ, какъ бы ея увидѣть.

Какъ Графиня Торресша была намѣрена въ тотъ день говорить съ нимъ, то Элвира спросила у Лермы, не можетъ ли онъ послѣдовать за нею въ то мѣсто, которое она ему укажетъ, и которое отъ туда не далеко? Лерма обнадеживъ ея, что единственное его стараніе состоитъ въ томъ, чтобъ

увидѣть

увидѣть Инесу, послалъ къ Принцу Дону Жовану, которой велѣлъ ему сказать, что онъ представитъ ево послѣ обѣда для благодаренія Филиппу II. Онъ приказалъ ево просить, чтобъ выпустить его сего утра, дабы быть больше въ состояніи предъ него предстать; онъ допустилъ себя вести Элвирѣ въ такой покой, коимъ она повелѣвать казалась, потому что хозяевъ не было дома.

Одинъ изъ ево служителей, отъ котораго ничего онъ не скрывалъ, ни самой склонности Инесиной, имѣлъ повелѣніе примѣчать то мѣсто, и притшить къ нему тогда, когда прикажетъ ему Донъ Жованъ.

Когда Элвира привела Маркиза Лерму, и сказала Графинѣ Торресшѣ, что онъ ея ожидаетъ, и что она можетъ къ нему итти, тогда изумленіе ея усугубилось, а когда ужѐ хотѣла туда ѣхать, тогда увидѣла, что не твердо еще къ тому вознамѣрилась. Сія поступка показалась ей ужасною, и предчувствованіе несчастія присоединенное къ робости происходящей отъ любви и добродѣтели, умедлило такъ ея отъѣздомъ, что Графъ де Ласъ Торресъ пріѣхалъ домой прежде

жде нежели она выѣхала: Онъ сказалъ ей, что надобно ему сего дня ѣхать для отданія королевскихъ повелѣній тому, которой имѣлъ надзираніе надъ Эсвуріальскими судами.

Сей домъ отстоялъ семь миль отъ Мадрита: и такъ обнадеживалъ онъ ея, что не возвратится прежде какъ на другой день; и оставилъ ея чрезъ то на свободѣ имѣть больше времени, говорить съ Маркизомъ Лермою, нежели она думала. Недоумѣнія пришли паки въ умъ Графининъ: но чувствовала себя туда влекомою, прежде нежели могла преодолѣть оныя; и не вознамѣрившись еще твердо ѣхать, поѣхала скрытно переодѣвшись въ платьѣ Элвирино, и ѣхала одна съ трепетомъ къ тому мѣсту, гдѣ находился Маркизъ Лерма. Элвира осталась въ комнатѣ своей госпожи, дабы сказать Графу, естьли возвратится онъ какимъ нибудь неожидаемымъ случаемъ, что Графиня уснула въ своемъ кабинетѣ. По счастію Графиню никто не зналъ, и она прибыла благополучно въ назначенной домъ.

Но она толь долго была удержана въ своемъ домѣ, что ужѣ настало время, въ которое Лермѣ надлежало итти во дворецъ, и она нашла того, которой

торой пришелъ увѣдомить, что Принцъ Донъ Жованъ ожидаетъ его, чтобъ представить Королю. Графиня увидя ошибку учиненную ею своею медлѣнностїю, хотѣла оную поправить, принудивъ Лерму ѣхать поскорѣе, надѣясь, что еще останется время послѣ съ нимъ того же дня переговорить. Какъ могла однимъ словомъ сказать Лермѣ, что она за мужемъ за Торресомъ? Какъ могла лишить самое себя удовольствїя на то жаловаться, и ево утѣшать, потому что надлежало ей говорить ему въ послѣдней разъ? Она совѣтовала ему ѣхать, видя, что онъ отъ сего предложенїя ужасался, стоялъ въ томъ, чтобъ остаться, и увѣрялъ ея, то нѣтъ для него на свѣтѣ большаго удовольствїя, какъ ея видѣть, и что уже отослалъ онъ того, которой прислалъ былъ за нимъ отъ Дона Жована; она сказала ему, что естьли онъ въ ту минуту поѣдетъ, то подождетъ она ево въ семъ мѣстѣ. Онъ противился тому еще, и не могъ вознамѣриться ея покинуть. Наконецъ, плѣнившись сею горячностїю, опасалась она, чтобъ не впалъ онъ въ какое несчастїе, и чтобъ Донъ Жованъ не утомился его ожидать; и клялась ему, что естьли

не поѣдетъ онъ въ тотъ часъ къ Королю, то выдетъ она изъ сего дому, дабы не видѣть его никогда. Онъ просилъ ея, сказать ему по малой мѣрѣ какое нибудь утѣшительное слово: она сказала ему, хотя съ робостїю, что она дѣлаетъ великой проступокъ, искавъ удобнаго времяни, ко увѣренїю его о своихъ склонностяхъ.

Элвира дала прежде ему знать, что Инеса еще не замужемъ: и такъ о семъ онъ не безпокоился, и поѣхалъ къ Королю съ нѣкоторымъ удовольствїемъ; но онѣ нашли скоро такую препону, которая едва не пресѣкла всѣхъ предпрїятыхъ ими мѣръ. Графиня Торресша желая пробыть часть дня въ семъ домѣ, нашла, что двѣри затворялись съ нутри такимъ потаеннымъ замкомъ, котораго она не знала, и которой былъ свѣдомъ только хозяину того дома. Сїе весьма обычайно между Ишпанцами, что ревнивость принуждаетъ брать крайнїя предосторожности противу своихъ женъ: она колѣбалась, остаться ли ей тамъ; но несчастїя ея не долженствовали быть тѣмъ ограничены, и она текла къ своему злополучїю, не имѣвъ времяни учинить зрѣлое о томъ разсужденїе. Сего потеряннаго

ряннаго случая возвратить было не возможно; что здѣлано, того возвратить не можно; такъ что помысливъ въ своемъ сердцѣ, сказала она Маркизу, чтобъ взялъ съ собою ключь отъ дому и поспѣшнѣе назадъ возвратился. Не нужно было ему то приказывать; онъ полѣтелъ, такъ сказать, къ Королю, дабы какъ можно скоряе отъ туда возвратиться.

Между тѣмъ Графиня находилась въ такомъ состоянїи, котораго изобразить не возможно. Какъ скоро не видѣла больше Маркиза, и могла дѣлать разсужденїя, то пришло ей на умъ все то, что думала прежде прибытїя туда; но великое различїе, думать, когда дѣло еще не здѣлано, отъ того, когда уже оно сбылося. Она ужѐ приходила и въ раскаянїе. Минуты казались ей несносно продолжительными, тогда опасалась, что Лерма не властенъ будетъ такъ скоро возвратиться, какъ онѣ желали; и боялась, чтобъ отсутствїе не уменьшило страсти Лермовой, и что не будетъ онъ имѣть больше такого ревнїя, хотя была удостовѣрена въ противномъ тому своими глазами. Несчастные любовники не были бы столь несчастливы, естьли бы чувствовали

онѣ

онѣ только сущїя несчастїя. Воображенїе терзало ея всемъ тѣмъ, что могло приводить ея въ отчаянїе.

Донъ Жованъ представилъ Лерму Королю, которой простивъ ево, не преминулъ однакожъ принять съ лицемъ довольно строгимъ. Лерма думалъ вытти отъ туда скоро; но Король сказалъ ему, что онъ удерживаетъ ево на весь день, и что хочетъ съ нимъ поговорить подробно о дѣлахъ Французскихъ. Войди въ мой кабинетъ, сказалъ онъ ему съ ревностною улыбкою, я не думаю, чтобъ вышедъ изъ тюрмы, тягостнымъ тебѣ показалось, быть заключену на половину дня со мною. Лерма воструепѣталъ отъ сего повелѣнїя: смерть показалась бы ему не столь жестокою; не зналъ, какъ отъ сего свободиться. Графиня приказала ему поскорѣе возвратиться, и она не могла вытти изъ того мѣста, гдѣ была, естьли не отворитъ онъ ей дверей. Противиться Филиппу II., и допустить себя арестовать, не почиталъ онъ за способъ удобной отъ того свободиться; въ смятенїи, въ коемъ находился, не могъ найти такихъ видовъ, кои бы его извинили, и которые бы были приняты: а правды безъ нескромности сказать

было

было не можно; всѣ знали ту особу, въ которую онъ былъ влюбленъ. Въ сей крайности смотрѣлъ на всѣ стороны, не уѣхалъ ли Донъ Жованъ; но не видя ево, нижѐ ково изъ друзей своихъ, выключая Графа де Ласъ Торреса, возвратившагося къ Королю прежде отъѣзда въ Эскуріалъ, приближился къ нему: онъ обнялъ его, между тѣмъ какъ Король отворотился, и отдалъ ему въ руки ключь, прося ево усильнѣйшимъ образомъ, войти въ домъ, которой ему указалъ, отворить только двери того покоя, отъ котораго отдалъ ему ключь, а болѣе ни очемъ не навѣдываться.

Лерма не зналъ и имени того, за котораго Инеса вытти опасалась; она не назвала ево, когда къ нему писала, потому что намѣрена была заключить себя въ монастырь.

Графъ де Ласъ Торресъ увѣрялъ ево, что окажетъ ему сїю услугу по ево желанїю. Сей родъ услугъ оказывается иногда въ Ишпанїи съ довольною вѣрностїю: онъ больше всякаго казался быть способнымъ къ сей должности; и малая острота его разума лишила его любопытства любовныхъ интригъ. Онъ былъ одинъ человѣкъ при дворѣ, о которомъ Лерма думалъ, что онъ не видалъ

Инесы,

Инесы, потому что онъ не былъ тогда въ Ишпанїи, когда она находилась при Королевѣ. Наконецъ Лерма не оставивъ предусмотрѣть для любьви своей весьма бѣдственныхъ слѣдствїй, естьли не увѣдомитъ свою обладательницу о причинахъ принудившихъ его учинить сїю досадную покупку, былъ однакожъ нѣсколько спокоенъ, нашедъ въ толь необходимой нуждѣ способъ, какъ бы доставить ей свободу.

Графиня, которую раскаянїе и страхъ попеременно терзали, была обладаема ревнивостїю, и взирала на то нетерпѣливо, что Лерма не возвращался. Она обозрѣла издали своего мужа: сей взоръ привелъ ея въ блѣдность; но сколь сильно ужасъ ея усугубился, когда увидѣла его остановившагося, и входящаго въ домъ, въ которомъ она находилась? Чего не думала она тогда? Какое состоянїе можетъ сравняться съ тѣмъ, въ которомъ она находилась? Однакожъ природное чувство побудило ея избѣжать ево гнѣва, и озираясь на всѣ стороны, увидѣла она маленькїе двѣрцы, которые толкнула толь крѣпко, что оныя не будучи совсемъ примкнуты отворилися. Она затворила оныя послѣ себя паки, и вошла въ другой покой,

которой принадлежалъ хозяину того дома. Тамъ нашла она одну женщину, которую молила спасти ей жизнь, и выпустить изъ сего мѣста. Сїя женщина будучи тронута состоянїемъ, въ которомъ видѣла толь прекрасную особу, вывела ея на малинькую улицу, гдѣ жила мать Эльвирина, къ которой она и пошла.

Графъ де Ласъ Торресъ разсудилъ о нестроенїи Маркизовомъ, съ которымъ просилъ онъ его отворить сїи двѣри. Всѣ затруднѣнїя, кои нашелъ онъ при бракосочетанїи своемъ съ Инесою, не дозволяли ему не знать страсти, которую онѣ другъ ко другу имѣла, и онъ опасался, чтобъ не имѣла она участїя въ семъ произшествїи. Однако Маркизу не надлежало бы ево избрать къ такой должности, такъ что сїе обстоятельство могло ево паки удостовѣрить: однакожъ болѣе того боялся нежели то себѣ воображалъ. Лерма просилъ ево имѣть столько скромности; чтобъ въ томъ нимало не любопытствовать. Все возбуждало въ немъ подозрѣнїе, потому что имѣлъ безмѣрную страсть къ женѣ своей: но наконецъ можно подумать, что въ семъ случаѣ побужденїе истинны преодолѣло нару-

жной видъ, которой тому противился. Онъ вошелъ въ покой, отъ котораго Лерма далъ ему ключь, не разбирая, какая склонность ево дѣйствовать побуждала. Осмотрѣлъ весь сей домъ; но не нашедъ тамъ Графини пошелъ въ свой домъ, дабы видѣть, тамъ ли она? Какъ скоро вышла она изъ ужаса, которой о своей жизни имѣла, тогда недоумѣнiе того, что съ нею будетъ, стократно ей лютѣйшимъ онаго показалось: она имѣла время возчуствовать всѣ свои несчастiя, и искала тому причины; могла подумать, что Маркизъ Лерма, увѣдомившись о ея бракѣ съ Графомъ Торресомъ не имѣлъ довольно силы удержать свое свирѣпство, и вручилъ ее самъ ея супругу: но сiя мысль казалась ей толь жестокою, что не находила она ея вѣроятною. Наконецъ помыслила она нѣсколько о истиннѣ и размышля о несчастiи тѣхъ предосторожностей, коимъ фортуна не споборствуетъ, углубилась въ плачевныя мысли, изъ коихъ она не могла вытти. Будучи принуждена своимъ состоянiемъ ввѣрить себя кому нибудь, просила она мать Эльвирину, сходить къ Графу Торресу, и навѣдаться, что тамъ происходитъ.

Маркизъ

Маркизъ Лерма удовольствовалъ Короля на всѣ чинимыя имъ ему вопросы; и при концѣ дня съ нимъ разставшись, побѣжалъ въ то мѣсто, гдѣ оставилъ Инесу, дабы узнать, вышла ли она отъ туда, и по счастїю, коего не смѣлъ надѣяться, не оставила ли какого нибудь письмеца въ томъ мѣстѣ, изъ котораго вышла: но не нашелъ тамъ ничего, чтобъ могло ево очемъ увѣдомить. Сїе произшествїе крайнѣ его опечалило; не зналъ, что подумаетъ объ немъ Инеса? потому что не свѣдомы ей были причины, удержавшїя его у Короля; она могла обвинять его оплошностїю, можетъ быть невѣрностїю и презрѣнїемъ; сему надлежало казаться вѣроятнымъ такому человѣку, которой видѣлъ себя толь оставленна: и хотя почти ужѐ ожидалъ того, что въ сїю минуту съ нимъ случилося, однако не нашелъ себя къ тому въ готовности.

Онъ пошелъ къ Графу Торресу, дабы узнать отъ него, исполнилъ ли онъ то, что ему обѣщалъ; но все было тамъ въ крайнемъ безпорядкѣ. Сей Графъ пришедшей въ домъ свой для усмиренїя своихъ подозрѣнїй, спросилъ про свою жену. Эльвира отвѣчала ему, что она спитъ въ своемъ кабинетѣ, но онъ

не удовольствовался симъ отвѣтомъ, и хотѣлъ имѣть ключь отъ онаго: такъ что Эльвира притворясь, будто пошла за онымъ, вышла, дабы увѣдомить свою госпожу о произшедшемъ. Но не нашла ея и тамъ больше; и искавъ во всѣхъ мѣстахъ гдѣ думала ея найти, встрѣтилась съ Маркизомъ Лермою идущимъ къ Графу Торресу. Она увѣдомила сего любобника о нестроенїи, которое было въ домѣ у графа, потому что не нашелъ онъ своей жены; и дала ему чрезъ то знать все то, чего не думала, чтобъ онъ не зналъ еще о бракѣ Инесиномъ. Онъ не могъ больше обладать своимъ отчаянїемъ: понялъ довольно все имъ здѣланное, и открылъ толико вдругъ для себя несчастїй, что не могши больше снести всѣхъ сихъ мыслей, вытащилъ свою шпагу, и вонзилъ оную въ свое тѣло, прежде нежели Эльвира узнала о его намѣренїи. Она позвала людей къ нему на помощь: перенесли ево къ родителю, гдѣ рана ево противу ево чаянїя найдена была не смертельна.

Эльвира между тѣмъ не нашедъ своей госпожи, и не смѣя возвратиться къ Графу Торресу, пошла къ своей матери, гдѣ ея нашла. Она увѣдомила ея

о всемъ свирѣпствѣ ея мужа и о отчаянїи Маркиза Лермы. Инеса пребывала въ такомъ унынїи, которое побуждало ея не чувствовать своихъ несчастїй; онѣ были толь велики, что привели ея въ несостоянїе оныя чувствовать; однакожъ не могла пребывать долгое время въ семъ состоянїи. Послала Эльвиру навѣдаться о состоянїи раны Маркизовой; и увѣдавъ, что можетъ онъ отъ оной изцѣлиться, еще нѣсколько радостїю и надеждою питалася. Но надлежало искать средства, дабы избавиться отъ другихъ своихъ несчастїй, изъ коихъ за неменьшее почитала и то, что недоумѣвала, гдѣ найти себѣ безопасное убѣжище: не безъ основанїя опасалась, чтобъ не отрыли того мѣста, гдѣ она находилась, и чтобъ мать Эльвирина ея свободившая, не была подвержена какому нибудь несчастїю. Не видѣла ни одного въ Мадритѣ безопаснаго для себя мѣста; такъ что послѣ многихъ недоумѣнїй, вознамѣрилась слѣдовать счастїю сея вдовы, матери Элвириной, которая довольно была заживна: она имѣла намѣренїе препроводить остатокъ дней своихъ въ одномъ загородномъ домѣ, которой имѣла близъ Севиллы. Она дала тамъ пристанище Гра-

фини Торресшѣ; и сїя Графиня купила продавъ нѣсколько алмазовъ, которыя съ собою имѣла, такое убѣжище, которое состоянїю ея приличествовало. Эльвира будучи въ опасности въ Мадритѣ, поѣхала въ сїю самую ночь съ Графинею Торресшею, которая толь изрядно переодѣлась, что прибыла безпрепятственно къ матери Эльвириной. Тамъ почитала за должность позабыть все, считая то, за единственное лѣкарство своимъ мученїямъ. Обнародованное съ нею произшествие лишило ея словъ, отецъ ея больше не любилъ, мужъ не имѣлъ больше къ ней почтенїя, и она была на вѣки разлучена съ своимъ любовникомъ. Сихъ причинъ довольно было къ побужденїю ея оставить свѣтъ. Но сей любовникъ хотѣлъ умереть отъ любьви, которую къ ней имѣлъ; и потому, сколь трудно было его позабыть! Сего намѣренїя не инако достичь могла, какъ позабытїемъ нѣкоторымъ образомъ самой себя.

Она не покидала никогда Эльвиры; и какъ домъ ихъ былъ одинъ на краю лѣса, то не имѣли онѣ ни съ кѣмъ знакомства. Графиня не знала и имяни своихъ сосѣдей: она довольно слыхала,

хала, что домы нѣкоторыхъ знатныхъ господъ отъ нихъ неподалеку; но имѣла причину пребывать скрытно, и убѣгать всѣхъ свиданій.

Онѣ прогуливались иногда въ лѣсу. Сіе уединеніе составляло все ихъ удовольствіе, такъ что разсуждая о замѣшательствѣ и о самой печали наивеличайшія въ жизни сладости провождаемой, удалось имъ не чувствовать больше оной, и наслаждаться такимъ покоемъ, коего онѣ въ свѣтѣ никогда обрѣсть не могли. Прежде отъѣзда изъ Мадрита, Графиня Торресша оставила письмо у матери Эльвириной, и просили ея, вручить оное какимъ нибудь способомъ Графу Торресу. Сія женщина имѣя фатою покрытое лице отдала оное на другой день одному изъ служителей Графовыхъ, дабы вручить ему оное, не сказавъ отъ кого.

Сіе письмо содержало въ себѣ искренное признаніе въ тѣхъ склонностяхъ, кои Инеса имѣла къ Лермѣ, и кои были споспѣшествуемы Дономъ Людовикомъ, прежде нежели взяли онѣ толико силы. Она увѣдомила ево о послѣдней поступкѣ, которую она для него учинила, и которую самъ разумъ въ нее внушилъ, Наконецъ сказала

зала ему, что ставши порочною худымъ успѣхомъ своего предпріятія, не смѣла она предъ него появиться, что хотябъ и увѣрился о невинности ея поступки, однакожъ увѣданное имъ чрезъ то о ея склонностяхъ, довлѣло возбудить въ немъ печаль, а въ ней смятеніе; для сей причины просила его, чтобъ онъ не приказалъ ея искать, по тому что нигдѣ ея не найдетъ, но что по малой мѣрѣ лишилась она всего свѣта, и самой себя, потому что лишилась его. Сіе письмо не имѣло сперва всего того дѣйствія, котораго ей ожидать надлежало: онъ велѣлъ съ нова искать своей жены во всѣхъ Мадритскихъ домахъ, и въ околичности онаго города; но не нашедъ ея, опасаясь потерять на всегда толь прекрасную особу, пришелъ въ превеликую жалость. Рана Маркиза Лермы, и уныніе, въ коемъ онъ пребывалъ, побудили его думать, что онъ несчастливъ: стараніе, кое имѣлъ онъ въ отданіи ему въ руки ключей того дома, въ которомъ Инеса была заперта, побуждало его, находить въ томъ вѣроятность, что написала она къ нему въ письмѣ. Время утоляющее наивеличайшей гнѣвъ, внушало

всѣ сїи размышленїя въ графа Торреса; но онъ бы можетъ быть наконецъ и изцѣлился отъ своей страсти, естьли бы нѣкоторое произшествїе не принудило его вспомнить о своей женѣ. Она однимъ вечеромъ прогуливалась съ Эльвирою въ небольшомъ звѣринцѣ, обнесенномъ рѣшетчетымъ заборомъ; какъ увидѣли онѣ чрезъ проломъ въѣхавшаго туда верхомъ человѣка, кого видъ изъявлялъ знатность. Графиня Торресша примѣчала въ немъ такїя черты, кои ей были знакомы. Какъ не имѣла она на себѣ фаты, то отворотила голову, а Элвира пошла ему на встрѣчу. Онъ просилъ у ней прощенїя за свою смѣлость, и сказалъ ей, что будучи гонимъ разбойниками, изъ коихъ одного умертвилъ онъ пистолетнымъ выстрѣломъ, бѣжалъ онъ отъ остатка той артели; что будучи въ готовности впасть въ ихъ руки, увидѣлъ проломъ, чрезъ которой въѣхалъ въ сїе мѣсто: онъ просилъ у ней позволенїя выѣхать отъ туда въ другую сторону; воры же увидя его скрывшагося, и примѣтя домы, боялись, чтобъ не забѣжать далеко, и возвратились паки своимъ путемъ.

Между тѣмъ Графиня Торреста убѣжала въ домъ, опасаясь, чтобъ не быть узнанной симъ человѣкомъ, о которомъ боялась, чтобъ то не былъ баронъ Сильва. Эльвира подавъ ему средство выѣхать, пришла къ ней паки; онѣ разсуждали совокупно о несчастіи нечаянныхъ встрѣчь, дѣлающихъ осторожности безплодными, и помышляли о опасности предстоящей для Графини, быть узнанной: во всю ночь отомъ безпокоилась; но наконецъ, не точно была увѣрена, что то былъ Баронъ Сильва, и необходимость принуждавшая ея жить въ семъ убѣжищѣ, возвратила ей паки спокойствіе: то былъ въ самомъ дѣлѣ сей Баронъ, котораго полученная имъ отъ Маркиза Лермы въ лице рана, нѣсколько перемѣнила.

Король по прозьбѣ Леонориной, простилъ ему зато, что бился онъ въ ево дворцѣ; но какъ жена ево не такой была породы, чтобъ появляться при дворѣ, то сіе принуждало ево непрестанно жить въ Севиллѣ: будучи на охотѣ заблудился онъ сей вечеръ въ лѣсу, гдѣ и случилось съ нимъ сіе произшествіе.

Онъ

Онъ узналъ отъ Леоноры всю исторію графини Торресши, и лице ея тотчасъ его поразило: скорой ея побѣгъ утвердилъ его въ томъ мнѣніи, что то была она, такъ что нимало онъ въ томъ не сомнѣвался. Онъ не столько ея любилъ, чтобъ не возненавидѣть, и не пропустилъ сего случая, чтобъ ей не здѣлать вреда. На другой же день отписалъ къ Леонорѣ, что нашелъ онъ Графиню Торресшу.

Леонора, коей ненависть не смягчилась еще всѣми несчастіями ея совмѣстницы, не умедлила увѣдомить отомъ Графа Торреса; и изобразивъ сіе убѣжище весьма непристойнымъ, привела умъ его въ крайнейшее нестроеніе. Онъ поѣхалъ въ Севиллу, не изслѣдовавъ самъ точно, что хотѣлъ дѣлать. Когда размышлялъ отомъ по своимъ желаніямъ, тогда Графиня не столь виновною ему казалася; но когда надлежало вѣрить Леонорѣ, тогда крайнѣ порочною она ему представлялася.

Боронъ Сильва показавшей ему мѣсто, гдѣ находилась Графиня Торресша, внушилъ въ него склонность къ отмщенію, которую самъ имѣлъ; такъ

такЪ что сей супругЪ вошелЪ кЪ ней будучи преисполненЪ свирѣпствомЪ. ОнЪ былЪ одинЪ, а БаронЪ Сильва оставилЪ его у двѣрей. ОнЪ спрашивалЪ о Графинѣ Торресшѣ: и какЪ одинЪ служитель не знавшей ея подЪ симЪ имянемЪ, сказалЪ ему, что онЪ конечно сей домЪ за другой чей почелЪ, то вошелЪ онЪ ево не слушая; и отворивЪ насильно двѣрь, вбѣжалЪ сЪ обнаженною шпагою вЪ ту комнату, гдѣ она находилась. Сія Графиня, которую несчастія здѣлали нечувствовавшею жизни сладостей, приняла его сЪ довольною твердостію: однакожЪ удивленіе, видя мужа своего вЪ семЪ мѣстѣ, и нѣкоторое движеніе со мнѣніемЪ смерти неразлучное и тогда когда кто оною презираетЪ, возбудили пламя вЪ глазахЪ ея, и умножили красоту на лицѣ ея. ГрафЪ де ЛасЪ ТорресЪ уронилЪ свою шпагу. АхЪ! естьли почитаешь ты меня виновною, сказала она, поднимая и отдавая ему оную, то почто щадишь меня вЪ томЪ состояніи, вЪ кое я приведена? Менѣе жестокости отнять у меня жизнь, нежели сохранить мнѣ оную. Сіи слова выговаривая, не могла она удержать слезЪ своихЪ. ГрафЪ ТорресЪ не имѣлЪ силы ей отвѣтствовать: смотрѣлЪ

смотрѣлъ на нее такимъ взоромъ, которой ей изъявлялъ, сколь онъ красотѣ ея чудился. Потомъ не отварачивая глазъ отъ лица ея, сказалъ: Кто не почтетъ тебя невинною, сударыня? Что до меня, я не знаю, обманываешь ли ты меня или нѣтъ; только не могу того подумать, и не желаю тебѣ больше зла.

Послѣ сего потекли изъ глазъ ихъ слезъ источники. Графиня Торреста увѣдомила мужа своего о всемъ съ нею произшедшемъ, не скрывая отъ него ничево. Онъ изъявилъ ей толико горячности, что невзирая на чувствованіе собственныхъ своихъ несчастій, не отказала ему своего сожалѣнія: онъ разсказалъ ей о всемъ произшедшемъ послѣ отъѣзда ея изъ Мадрита.

Какъ Леонора и Баронъ Сильва уговаривали его къ отмщенію, и какъ находился онъ въ одной изъ сихъ минутъ сердечныхъ изливаній, въ которую не можно ничего скрывать, то просилъ онъ ея возвратиться въ Мадритъ, и сказалъ ей, что онъ будучи удостовѣренъ въ ея добродѣтели, хочетъ дать знать оную всей публикѣ: но она не старалась оправдать себя предъ публикою, потому что надежнѣе была,

что станутъ ею гнушаться. Притомъ опасалась и о спокойствїи своего сердца; казалось ей опаснымъ, имѣть способы видѣть Маркиза; и хотя бы она съ нимъ и не свидалася, только одной мысли, что всякую минуту можно ей съ нимъ видѣться, довольно бы было къ нарушенїю ея спокойствїя. Итакъ просила она своего мужа, чтобъ дозволить ей наслаждаться сею тишиною, кою доставили ей продолжительныя злополучїя и размышленїя; и прозьбы ея соединенныя съ резонами, побудили его согласиться нато, чтобъ жила она въ деревнѣ.

Король пожаловалъ ему довольно знатной чинъ, которой принудилъ его возвратиться во Фландрїю, и онъ уговорилъ только Графиню Торресшу, чтобъ она перемѣнила мѣсто, и жила близъ Мадрита въ одной изъ его деревень, гдѣ могла пребывать приличнѣйшимъ состоянїю ея образомъ: сїе предложенїе ею было принято. Эльвира проводила ея туда съ согласїя ея мужа, немогшаго отказать въ сей отрадѣ такой женѣ, въ которой противъ воли своей познавалъ онъ добродѣтель. Какъ скоро отвезъ онъ ея на мѣсто ея уединенїя, тотчасъ поѣхалъ во Фландрїю,

и

и оставилъ ея въ состоянїи отличествуемомъ отъ того, изъ коего ея вывелъ. Она не была ужѐ больше особа отъ всѣхъ страстей отрѣкшаяся; и горячность ея къ Лермѣ обновилася, когда хотѣла ево оправдать предъ своимъ мужемъ: она сама находила оную невинною, съ того времени, какъ онъ объ ней такъ помышлять началъ. Постоянство ея ежедневно ослабѣвало, и царствовала въ душѣ ея нѣжная меланхолїя, которая не была безъ нѣкоторой прїятности.

Герцогиня де Ферїа имѣла сѣло по сосѣдству съ Графомъ Торресомъ: она жила во ономъ почти всегда, и любопытство побудило ея навѣстить Графиню по слуху о ея произшествїи. Графиня посѣтила ея такожде съ своей стороны, и какъ не имѣли другаго сосѣдства, то видѣлися онѣ часто. Между тѣмъ слухъ о возвращенїи Графининомъ пронесся въ Мадритѣ. Лерма, не знавшей ея мысли, съ того времяни, какъ онъ ея, такъ сказать, отдалъ въ руки ея мужу, ходилъ часто въ притворномъ одѣянїи прогуливаться около ея дому, дабы какъ нибудь съ нею встрѣтиться.

Въ одинъ день, когда ѣхала она къ Герцогинѣ де Феріа, вышла на минуту изъ своей кареты, дабы проходиться: она шла облокотившись на Эльвиру, а служители ея слѣдовали за нею изъ дали; она обозрѣла человѣка обвернувшагося епанчею, которую онъ, увидя ея, тотчасъ съ себя сбросилъ. Хотя была она и фатою покрыта, однако разсуждалъ онъ, что то была Графиня Торресша; не долго продолжалось, чтобъ и она не признала въ немъ Маркиза Лермы, не взирая на блѣдность его лица. Удивленіе Графинино при семъ неожидаемомъ видѣніи было чрезвычайно, а его смятеніе было толь велико, что причинило въ немъ нѣкоторой родъ трепѣта. Она принуждена была сѣсть на траву, которая тамъ была. Эльвира приподняла ей нѣсколько фату, дабы могла она отдохнуть; а Маркизъ Лерма не смѣя приближиться, взиралъ на нее робкимъ и почтительномъ видомъ; которой умножалъ то смущеніе, въ кое онъ ея привелъ: она не могла удержаться, чтобъ не пролить нѣсколько слезъ, и имѣла желаніе ему говорить: Однакожъ та самая причина, которая ея того желать побуждала, въ сію минуту въ

томъ

томъ ей воспрепятствовала, и вперила въ нее такую робость, что не испытывая, что надлежало дѣлать, возвратилась назадъ, какъ скоро возъимѣла довольно силы, чтобъ итти; но сего не здѣлала, не бросивъ на Лерму такого взора, которой оправдалъ въ немъ ея бѣгство:

Лерма имѣвшей равномѣрную робость, сопряженную съ почтенiемъ и страхомъ, чтобъ не подать подозрѣнiя слѣдовавшимъ за нею служителямъ, допустилъ ея ѣхать, не смѣя къ ней приближиться. Несчастiя, кои онъ ей причинилъ, придавали ему болѣе осторожности. Когда заперлась она у себя въ домѣ, и была въ несостоянiи видѣть Маркиза, тогда сама тому чудилась, что отъ него бѣжала. Повредила ли бы я тѣмъ мою добродѣтель, сказала она, когда бы выслушала изъ устъ несчастнаго подтвержденiе его невинности? Я бы увѣдомила его о причинахъ принудившихъ меня вытти за другаго, попросила бы его перестать меня любить, и была бы гораздо спокойнѣе. Что подумаетъ онъ о торопливости, съ коею я отъ него побѣжала? Блѣдность, которую я на лицѣ его примѣтила, не допустила меня сказать ему какое ни-

будь утѣшительное слово; можетъ быть подумаетъ онъ, что то было дѣйствіе холодности, которую снискала я уединеніемъ. Увы! примолвила она, когдабъ могла я достигнуть до сего; но какъ сіе не можетъ статься, то пусть онъ по малой мѣрѣ о томъ и не думаетъ.

Однакожъ имѣла она великую причину такъ думать: сія мысль ея не покидала, и такъ печалила, что намѣрялась она иногда искать способовъ, говорить съ Лермою, сколь бы ни опасны оные были; но думала, что потеряла ихъ своею ошибкою, и что не должно ему болѣе того искать, когда увидѣлъ, что она отъ него бѣжала.

Въ протчемъ, не смотря на свою склонность, опасалась она, чтобъ сія поступка не была противна ея должности: супругъ ея оказалъ ей толико любви и милости, что обязана она была жертвовать ему остаткомъ склонности; но послѣ всего, не могла преодолѣть оной, и старалась только согласовать ея съ своею добродѣтелью.

Лерма съ своей стороны примѣтилъ всю горячность, и всю суровость Графинину: онъ колѣбался между печалію и нѣкоторымъ порадованіемъ; нашелъ

во

во взорахъ Графининыхъ нѣчто могущее питать страсть его, когда наложенная ею на себя поступка, отнимала у него всю надежду.

Онъ тщательно искалъ случаевъ ея паки увидѣть; зналъ, что навѣщала она часто Герцогиню де Ферiа, и герцогъ Лерма его родитель, которой былъ Оберъ-Камеръ-Геръ Королевской, оказалъ знатную услугу сей Герцогинѣ, которая подала поводъ Маркизу, вступить въ нѣкоторой союзъ съ нею. Она прiѣхала въ Мадритъ, дабы благодарить Короля за оказанную ей милость, и зная, что Герцогъ Лерма много оной способствовалъ, изъявила ему благодарность, въ такихъ изрѣченiяхъ, коихъ сiя услуга была достойна. Онъ имѣлъ намѣренiе, женить сына своего на Казильдѣ, дочери Герцогининой; и для того постарался онъ ей оказать сiю услугу. Маркизъ, коему сообщая онъ свое намѣренiе, не хотѣлъ безмѣрною искренностiю уничтожить тѣхъ способовъ, кои имѣлъ, чтобъ видѣть Графиню Торресщу, подалъ ему надежду, что можетъ къ тому вознамѣриться, съ тѣмъ договоромъ, чтобъ дать ему время, разпознать особливо нравъ

Казильдинѣ, прежде нежели учинитѣ онѣ предложенія брака.

Герцогиня де Феріа возвратилась скоро вѣ свое сѣло: Герцогѣ Лерма пріѣхалѣ ея навѣстить, а Маркизѣ получивѣ отѣ ней позволеніе, туда поѣхалѣ: она толь много ими была обязана, что за удовольствіе считала, ихѣ у себя видѣть. Графиня Торреста имѣла небольшой припадокѣ сѣ возвращенія Герцогини де Феріа, которой воспрепятствовалѣ ей нѣсколько днейея навѣщать. Вѣ первой разѣ, какѣ она туда вошла, прибылѣ и Маркизѣ Лерма.

Деревенская вольность была причиною, что Герцогиня де Феріа приняла Маркиза вѣ томѣ покоѣ, вѣ коемѣ сидѣли женщины. Хотя Графиня Торреста была нѣкоторымѣ образомѣ намѣрена, сѣ нимѣ говорить, однако сей видѣ вѣ крайнѣе привелѣ ея замѣшательство; она не уповала найти его когда нибудь у Герцогини, и была вѣ готовности выпти, какѣ скоро его увидѣла: однакожѣ, какѣ недавно она пріѣхала, то не могла толь поспѣшно отѣѣхать, не сказавѣ Герцогинѣ какой нибудь тому причины; необходимость побудила ея преодолѣть смятеніе: она

стара-

старалась разговаривать, какъ будто бы тутъ Маркиза не было.

Какъ скоро другая госпожа тамъ съ нею бывшая, показала, что хочетъ она говорить на единѣ съ Герцогинею, то Графиня Торресша встала, и хотѣла вытти; но Герцогиня просила ея остаться, и побыть тамъ до тѣхъ поръ, пока сходитъ она въ свой кабинетъ. Одна изъ ея служанокъ стояла съ Эльвирою у дверей той комнаты, такъ что не было противно благопристойности остаться тамъ съ мущиною. Графиня Торресша употребляла еще все что могла, дабы можно было ей вытти. Случай, говорить съ Лермою, былъ для ней столько же страшенъ, сколько онаго желала: но наконецъ желанïе преодолѣло всѣ ея недоумѣнïи; такъ что когда Герцогиня ея усильно просить стала, здѣлать ей удовольствïе, и препроводить весь день съ нею, тогда ужѐ больше не противилась. Герцогиня де Ферïа пошла въ свой кабинетъ, а Лерма остался съ Графинею Торресшею. Милостивая государыня, сказалъ онъ ей, не взирая на всю вашу строгость, обрѣлъ я случай оправдать себя въ такомъ дѣлѣ, коего былъ я виною единственно потому, что не зналъ наиве-

личайшаго изъ моихъ несчастій. Но я не жалуюсь, примолвилъ онъ, кажусь предъ вами виновнымъ; и есмь виновенъ по моему несчастію, а не по преступленію.

Я не обвиняю тебя ничемъ, сказала ему Графиня, и сама бы противъ себя тебя защищала, естьли бы индѣ не увѣдала о твоей невинности. Не знаю, имѣла ли я въ тебѣ таковаго же поруку моей вѣрности, но тебѣ надлежало бы повѣрить, что не изъ непостоянства вышла я за Графа Торреса. Потомъ разсказала Лермѣ все, что ея къ тому принудило. Увы! сударыня, сказалъ онъ ей, какое жестокосердіе! сохранить для меня жизнь, когда лишаешь ты меня себя: смерть не столь жестока сколь отчаяніе. Понеже въ послѣдней разъ, сказала она ему, говорю я съ тобою на единѣ, то смѣю тебѣ признаться, что несчастіе мое твоему равно будетъ; послѣ сего, убѣгай меня; сей награды прошу отъ тебя за учиненное мною признаніе. Что? Сударыня, сказалъ онъ ей, могу ли я тебя убѣгать, когда для свиданія съ тобою въ присутствіи множества свидѣтелей, обманываю я моего родителя, и подаю ему надежду, что

женюсь

женюсь я на Казильдѣ. Нѣтъ, дражайшая, не могу больше жить, тебя не видя, и толь продолжительныя жестокія мои злополучія снискали мнѣ право, въ семъ случаѣ стать ослушнымъ предъ тобою.

Герцогиня де Ферія вышла изъ кабинета, когда оканчевалъ онъ сіи слова Онъ пробылъ еще нѣсколько часовъ; но съ такимъ смущеннымъ видомъ, что Герцогиня не имѣла нужды во многомъ проницаніи, для познанія истинны. Какъ скоро Графиня находилась одна съ Эльвирою, такъ скоро разсказала ей про сей разговоръ, котораго не могла она равнодушно выслушать; особливо того, что сказалъ ей Маркизъ Лерма о намѣреніяхъ своего родителя: и она ему призналась, что сія вѣдомость не столько ея тронула, сколько она думала; либо для того, что имѣла случай изцѣлиться, видя его прилѣпившагося къ другой, либо что Казильда малыми своими пріятностьми не причиняла въ ней страха.

Въ самомъ дѣлѣ сія молодая особа не могла почитаться за совмѣстницу: она внушала только къ себѣ омерзѣніе; и подлинно, естьли что удобно

было питать страсть несчастную, то надлежало только сравнить Казильду съ Графинею: Однакожъ взирала она, какъ казалось, на бракъ, какъ на такое пристанище, въ которомъ бы разумъ ея былъ въ безопасности.

Покамѣстъ Лерма будетъ свободенъ, сказала она Эльвирѣ, потѣхъ поръ буду чувствовать въ душѣ моей потаенное удовольствïе, любовь мою поощряющее; надобно мнѣ изтребить оную до послѣдняго корени: но она не примѣчала, что надежда, видѣть Лерму, въ иномъ видѣ, а не своимъ любовникомъ въ глазахъ мирскихъ, да и видѣть его часто, нечувствительно вкрадывались въ ея сердцѣ.

Нѣсколько дней спустя, Герцогъ Лерма говорилъ о семъ бракѣ съ Герцогинею де Ферïа не взирая на чинимыя сыномъ его прозьбы объ отлагательствѣ сего предложенïя; она поступила со всевозможною скоростïю, дабы заключить оной скоряе; и видя, что Маркизъ Лерма, не оказывалъ къ тому равнаго родительскому желанïя, думала, что надлежало обязать какою нибудь хитростïю Графиню Торресшу, къ тому способствовать. Она знала страсть, которую онѣ другъ ко другу имѣли

имѣли, и нѣжныя мысли, кои сїя Графиня о своей славѣ имѣла: и такъ изъ притворной довѣренности, жаловалась она ей, что она посреди всей своей знатности и богатства несчастлива, понеже сїи сокровища не довольно сильны къ промышленїю ей всего ею желаемаго; что желаетъ она издавна брака ея дочери съ Лермою, и что Герцогъ Лерма того равно какъ и она желаетъ, но во умѣ или въ сердцѣ Маркизовомъ находится такое сопротивленїе, кое ихъ обѣихъ равно опечаляетъ. Посмотримъ, примолвила она, не любитъ ли онъ ково другую; ибо естьли имѣетъ онъ страть счастливую, то не справедливо ево принуждать. Сїи слова возъимѣли свое дѣйствїе. Грифиня Торресша увидѣла, что слава ея подвержена будетъ поношенїю, естьли не побудитъ она Лерму поступать такъ какъ человѣку страстїю необладаемому: и такъ искала она способовъ съ нимъ говорить; и Герцогиня подала ей оной скоро, оставя ихъ вторично на динѣ Ты удивляешься, сказала ему Графиня, что я отъ тебя сего дня не убѣгаю; но еще больше удивишься тому, что я тебѣ сказать намѣрена. Знаю, сказалъ

залЪ онЪ ей, что не долженЪ я ласкать себя, и трепѣщу отЪ того, что ты для меня здѣсь осталася. Хочу, примолвила она, дать тебѣ совѣтЪ; но естьли ты оному не послѣдуешь, то надобно вознамѣриться, вѣчно меня не видѣть. Ты имѣешь право мною повелѣвать, отвѣчалЪ онЪ ей, и я послѣ сего ожидаю жестокихЪ твоихЪ приказаній. Надобно, сказала она, чтобЪ женился ты на Казильдѣ: склонись на желанія твоего родителя, спаси славу мою, которую сопротивленіе твое приводишЪ вЪ подозрѣніе. Мнѣ, сударыня, мнѣ жениться на Казильдѣ! вскричалЪ онЪ: ахЪ! развѣ забываешь ты, что я тебя люблю? Я буду взирать на сей бракЪ, отвѣчала она, какЪ надѣйствіе той власти, которую надЪ тобою имѣю. Знаю, что надобно тебѣ больше одной страсти, чтобЪ повиноваться мнѣ вЪ семЪ случаѣ, нежели чтобЪ остаться моимЪ; но я буду тебя убѣгать, пока не будешь ты женатЪ; клянусь тебѣ вЪ томЪ, и никогда сюда не приѣду. Сколь ни бѣдственно мнѣ будетЪ твое отсудствіе, однако присудствіе твое мнѣ гораздо бѣдственнѣе: увѣрь весь свѣтЪ, что ты отЪ меня отказался, увѣрь вЪ томЪ, естьли

ли можно, и меня самое. И такъ, сударыня, пресѣкъ онъ, естьли, по безмѣрной той любви, которой никогда примѣра не бывало, могу я тебя послушаться, то воззришь ты на меня равнодушнымъ окомъ, не ужели для принесенія себя на жертву твоему соизволенію, надлежитъ мнѣ почитаему быть супругомъ Казильдинымъ. Послѣ сего говорила ему Графиня толь льстиво, что истребила гнусность предложенія въ глазахъ своего любовника: видѣлъ воономъ только достоинство. Ахъ! сударыня, вскричалъ онъ, уговаривай меня, но не принуждай, увѣрь меня по малой мѣрѣ, что склонности твои будутъ соотвѣтствовать моему несчастію; я не имѣлъ никогда надобности въ надеждѣ, чтобъ тебя любить; теперь имѣю во оной нужду, чтобъ жениться на Казильдѣ, и надобно, чтобъ воззрѣла ты на меня чрезъ то, какъ больше тебѣ преданнаго. Вспомни, сказала она ему, что не могу я тебя видѣть съ благопристойностію, естьли ты не доведешь до того, чтобъ не думали, что я препятствую тебѣ жениться на другой. Не ищи иной пользы, опричь той, о которой я тебѣ говорю; она должна тебѣ пока-

показаться довольно знатною; я стыжусь тебѣ о томъ и говорить. Ахъ, сударыня, сказалъ онъ ей, не раскайся въ томъ, что сожалѣнїе побуждаетъ тебя говорить: когда приводишь ты меня и безъ того въ отчаянїе, то не можешь ли дозволить мнѣ искать случаевъ тебя видѣть безъ того, чтобъ сїе не стоило толь страшнаго для меня обязательства? Что предлагаешь ты мнѣ, пресѣкла она? Я уже много тебѣ сказала, и дерзновенїе твое принуждаетъ меня въ томъ раскаеваться. Ахъ! сударыня, перехватилъ онъ, вижу довольно, что я столь же несчастливъ въ твоихъ склонностяхъ, сколь и въ повелѣнїяхъ твоихъ. Нѣкто вошелъ въ сїю минуту, и она пошла прочь. Недѣлю спустя, Графиня Торреста, видя, что сей бракъ незаключенъ, вышла вонъ, когда Лерма туда вошелъ. Онъ вышелъ мало времяни спустя, будучи обремененъ печалїю. Съ сего часа почувствовалъ онъ, что строгость Графини Торрести принудитъ его ей повиноваться: однакожъ отвращенїе его къ браку было безмѣрно, и онъ еще не здавался, но когда увидѣлъ, что продолжала она прежнюю свою поступку, и что сама Герцогиня де Ферїа подавала

вала знать, что только одна Графиня Торреспа могла противиться сему браку, сталъ онъ побѣжденъ: онъ не могъ жить, ея не видя, и не могши понести тѣхъ подозрѣній, кои возъимѣли противу толь совершенной добродѣтели; объявилъ Герцогу Лермѣ, своему родителю, что готовъ жениться на Казильдѣ.

Однакожъ опорочивалъ въ себѣ ту несправедливость, которую дѣлалъ, женясь на сей молодой особѣ, хотя имѣлъ другую склонность; но Графиня ему то приказывала, а ея любовь преодолѣла всѣ его недоумѣнія.

Герцогъ Лерма весьма обрадовался, что сынъ его склонился на сей бракъ; онъ пользовался симъ согласіемъ; а на другой день увѣдомилъ о томъ Герцогиню, коей жиланіе заключенія онаго соотвѣтствовало желаніямъ Герцога Лермы. Какъ скоро оной положенъ былъ на мѣрѣ, то Герцогиня де Ферія поѣхала къ Графинѣ Торресшѣ, и увѣдомила ея, что церемонія на другой день воспослѣдуетъ. Графиня не совсемъ довольна была сею вѣстію: хотя она того желала; однако нашла въ сію минуту нѣкоторое къ тому отвращеніе, коего въ себѣ преодолѣть не могла. Она

думала

думала во утѣшенїе себѣ, что сїе отвращенїе было равно и съ стороны Маркиза Лермы. Герцогиня де Ферїа просила ея на балъ, которому надлежало быть на другой день свадьбы, и она не могла обойтись, чтобъ того ей не обѣщать.

Въ день брачнаго ихъ сочетанїя, получила она вѣдомость, что Графъ Торресъ скончался во Фландрїи. Сїя вѣсть ея опечалила: онъ оказалъ ей много дружества, и благодарность принуждала ея имѣть нѣкоторое сожалѣнїе о его судбинѣ: однакожъ увидѣла себя паки свободною, но въ такое время, когда принудила Лерму жениться. Правда что не былъ онъ еще женатъ, и что надлежало ему еще въ сей день быть онымъ; но она дѣлала затрудненїя побудить его не устоять въ словѣ предъ Герцогинею: да и услышала въ сїю только минуту о смерти своего мужа; и говорила сама въ себѣ, что по жалости къ нему надлежало усмирить всѣ протчїя мысли. Послѣ всего охотно бы жалала, чтобъ Лерма узналъ о ея состоянїи, съ тѣмъ чтобъ она къ познанїю ево сама не способствовала. Смерть Торресова не была еще обнародована. Король могъ объ ней знать въ

сей день, но Лерма для своей женидьбы не былъ тогда въ Мадритѣ. Графиня Торресша послала сказать Герцогинѣ де Феріа, что не можетъ она ея навѣстить на другой день по причинѣ мужа ея кончины: сей былъ неопровергаемой способъ дать о томъ знать Маркизу; но Герцогиня, получившая вѣстника, не разсудила за благо его о томъ увѣдомить. Горячность, которую имѣлъ онъ къ Графинѣ Торресшѣ, могла при сей неожидаемой вѣсти побудить его, нарушить свои обѣщанія: и Герцогиня не хотѣла отложить своихъ намѣреній для своенравія любовника.

Она думала также, что Графиня дастъ ему о томъ знать словесно или письменно; и для того велѣла за нимъ присматривать, и накрѣпко приказала препятствовать тому, чтобъ никто до него не дошелъ. Свадьба произходила на единѣ. Одинъ только Герцогъ Лерма былъ притомъ, которой имѣлъ равную съ Герцогинею пользу препятствовать, чтобъ сынъ его не узналъ о сей вѣдомости.

Эльвира вѣдая, что одна только Герцогиня получила оную, и зная недоумѣніе своей госпожи, поѣхала не увѣдомляя ея, дабы сыскать Маркиза

Лерму;

Лерму; но сїе было тщетно. Герцогиня де Ферїа поспѣшила церемонїею брака, которая у ней въ домѣ отправилася, и не возможно было никому дойти до Маркиза. Между тѣмъ Графиня Торресша почувствовала нѣкоторую отраду, когда послала къ Герцогинѣ де Ферїа съ увѣдомленїемъ, о ея вдовствѣ; сей вѣсти надлежало по мнѣнїю ея умедлить или разорвать бракъ Маркизовъ: казалось ей, что имѣла она отъ того нѣкоторой стыдъ и печаль; но всегда несомнѣнна пребывала, что сїе сбудется.

Когда узнала, что одна Герцогиня получила сїю вѣдомость, тогда боялась, чтобъ Маркизъ не увѣдалъ о томъ уже поздно; и помысливъ сама въ себѣ послѣ первыхъ стыда движенїй, что она свободна, и что во всю жизнь свою будетъ отвѣтствовать Лермѣ и самой себѣ за свою робость, велѣла призвать къ себѣ Эльвиру, дабы просить у ней совѣта. Сказано ей было что сїя дѣвушка поѣхала къ Герцогинѣ де Ферїа: тогда ласкалась, что Лерма увѣдомленъ будетъ чрезъ нее о томъ, что до нея касалося. Наконецъ, видя, что Эльвира весьма умедлила своимъ возвращенїемъ, вставала многократно

многократно съ того мѣста, на коемъ сидѣла; и хотя знала, что сїе движенїе его къ ней не приближало; однако ходила къ дверямъ и отходила отъ оныхъ, съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ. Наконецъ начала писать къ Маркизу Лермѣ, но лишь только взяла въ руки перо, какъ увѣдомилась, что брачная церемонїя воспослѣдовала. Она не чувствовала въ себѣ больше силы жаловаться, и пребывала въ неподвижности причиненной ея смятенїемъ. Какъ скоро увидѣла Эльвиру возвратившуюся, то просила ея, не сказывать ей ничево; но не смотря на ея запрещенїе разсказала она о всемъ томъ, какъ испытывала она, искать случаевъ говорить съ Маркизомъ, и о непреоборимыхъ препонахъ, кои она въ томъ находила: Поѣдемъ, сказала ей Графиня, нѣчево мнѣ больше дѣлать въ свѣтѣ, станемъ по малой мѣрѣ пользоваться нашими несчастїями.

Она возвратилась въ тотъ же монастырь, которой прежде избрала себѣ пристанищемъ, для избѣжанїя того брака, къ которому хотѣлъ принудить ея родитель; тогда служилъ оной ей противъ собственной ея страсти. Маркизъ Лерма узналъ о смерти Графа Торреса на другой день своего брака. Ка-

кой то был для нево громовой удар! Он не мог обладать своим отчаянием: поѣхал в монастырь, в коем была Графиня Торресша, но не мог, ни ея видѣть, нижѣ к ней отписать; и как печаль сопряженная с полученною им раною, непрестанно продолжалася, то напала на него горячка от которой он чрез нѣсколько дней скончался.

ПОВѢСТЬ

О РАЗРЫВѢ БРАКА

МЕЖДУ АБЕНАМАРОМ И ФАТИМОЮ.

Абенамар был один из знатнѣйших вельмож при дворѣ Гранадском. Фатима не была соотвѣтствующей с ним породы; но пріятности ея особы, и чрезвычайныя ея достоинства могли наполнить находившееся в природѣ их разстояніе. Онѣ при первом свиданіи друг друга полюбили, и имѣли множество способов видѣться: взаи-

но

ное ихъ почтенїе и любовь усугублялись каждой разъ, когда имѣли случай между собою разговаривать; и въ толь частыхъ и продолжительныхъ свиданїяхъ, никогда не открывали одинъ въ другомъ никакихъ недостатковъ, могущихъ привесть страсть ихъ въ ослабленїе.

Абенамаръ далъ слово на ней жениться; но родитель ево, не благопрїятсвуя ево склонности, послалъ его въ Ишпанїю, дабы видѣть, не можетъ ли отсутствїе, изцѣлить его отъ сей страсти. Абенамаръ не много времени спустя послѣ того, какъ туда прибылъ, впалъ въ опасную горячку, въ которой печаль его не малое имѣла участїе.

Фатима слезами своими и отчаянїемъ платила ему за его страданїе; и какъ благочинїе не дозволяло ей за нимъ слѣдовать, то терзалась она всемъ тѣмъ, что безъизвѣстїе о жизни Абенамаровой имѣло для нея страшнаго.

Когда онъ нѣсколько выздоровѣлъ, зная участїе, кое многїя милыя для нево особы брали въ его здоровьѣ, а особливо его обладательница, то велѣлъ онъ написать отъ своего имени,

и подписалъ своею рукою письмо къ Линдарахѣ, своей матери, которая имѣла знатной чинъ въ Королевствѣ, и къ коей всѣ знатные либо породою либо достоинствомъ особы, приѣжжали съ своимъ почтенiемъ. Линдараха, пришедъ отъ радости внѣ себя, читала сiе письмо всѣмъ тѣмъ, кои ея навѣстили въ тотъ день, когда оное получила; а Фатима искавшая непрестанно случаевъ навѣдываться о здоровьѣ Абенамаровомъ, приѣхала туда въ то самое время, когда читали письмо; тогда продолжали читать оное, и сказали ей, что то было одно изъ его писемъ. Фатима удивилась, что и она такого письма не получила, и сiе чувствованiе уменшило въ ней радость, увѣдомясь, что Абенамаръ имѣлъ отъ болѣзни облехченiе. Однако думала, что много здѣлаетъ, естьли станетъ его осуждать; что не только невѣроятно, чтобъ онъ ея позабылъ, но чтобъ не имѣлъ онъ главнаго объ ней старанiя, потому что всегда имѣлъ первое мѣсто въ ея сердцѣ: и такъ заключила, что возвратившись домой, найдетъ тамъ непремѣнно такiя вѣсти, кои ея утѣшатъ. Посѣщенiе ея не болѣе продолжалось такого времени, какого

должность

должность отъ нея требовала, а потомъ возвратилась домой, будучи преисполнена надеждою и страхомъ противъ воли своей.

Какъ скоро она домой пришла, такъ скоро спросила у одной изъ служанокъ, которая имѣла всю ея довѣренность, не видала ли она курьера отъ Абенамара. Сказано ей было, что онъ не бывалъ. Потомъ заперлась она въ своемъ кабинетѣ, и залилась слезами. Та женщина, которая подала ей толь жестокую вѣдомость, не могла быть туда допущена; и Фатима предалась всему тому, что стыдъ, досада и любовь имѣютъ въ себѣ жестокаго.

Между тѣмъ Абенамаръ не былъ виновенъ, онъ не думалъ, чтобъ надлежало положиться на своего писаря, и ввѣрить ему склонности свои къ Фатимѣ; и такъ не могши писать самъ, хотѣлъ лутче не подавать ей о себѣ извѣстія, нежели подать ей оное съ притворною холодностію, коихъ требовали ненадежныя средства: онъ не предъусмотрѣлъ, чтобъ не перемѣнивъ склонности могъ онъ быть подозрѣваемъ.

Но чемъ больше любовь, тѣмъ легче уязвить оную. Фатима имѣя не

сказанную страсть, не могла принять обидѣ, кои ей казались и малыми, а пренебреженїе казалось ей жесточайшею обидою.

Гордость красоты присоединясь къ нѣжности любви, умножила еще болѣе преступленїе Абенамарово предъ Фатимею: она увѣрила себя, что достойна была лутчей судьбины; и досада ея доведена была уже до крайности, когда получила письмо отъ Абенамара.

Какъ скоро могъ онъ написать нѣсколько строкъ своею рукою, такъ скоро написалъ къ Фатимѣ; но оное было поздно. Она посмотрѣла съ презрѣнїемъ на вручителя онаго письма и не хотѣла его принять.

Абенамаръ удивившись съ своей стороны безумїю такой особы, которая ему казалась всегда не имѣющею онаго, не узналъ сперва, что могло ему навлечь такую холодность. Онъ приходилъ въ свирѣпство, не зная, что начать; но лехко здѣлаться ревнивымъ, когда кто отъ красавицы худо принимается. Онъ думалъ, что въ отсутствїи его какой нибудь совмѣстникъ его погубилъ, что досаждаетъ она ему для того, дабы онъ изцѣлился, или хочетъ по малой мѣрѣ раздражить ево такъ,

чтобъ

чтобъ онъ не желалъ и изъясниться; ибо изъясненіе всегда виновнымъ несноснѣе, нежели обиды, кои внѣ присудствія ихъ чинятся; наконецъ не увѣрившись въ своихъ догадкахъ имѣлъ то же свирѣпство, кое преподаетъ прямое свѣденіе о измѣнѣ.

Онъ возвратился, сколь скоро могъ, въ Гранаду; и первая особа, которую нашелъ по прибытіи своемъ у Линдирахи, была Фатима, которая будучи еще къ нему надмѣру склонна, и не хотя ему подать случая то думать, увидя ево приняла на себя притворной видъ безмѣрныя холодности. Онъ жестоко огорченъ былъ поступкою Фатиминою: и утвердившись чрезъ то въ своихъ подозрѣніяхъ, не говорилъ ей и не поклонился, когда выходила она изъ дому Линдарихина.

Фатима не надѣялась таковаго неучтивства Абенамарова; и не помышляя, что сія поступка не оказывала нимало нечувствительности, была она тѣмъ больше огорчена, нежели чтобъ старалась ево извинить.

Она вознамѣрилась выслушать Мулей - Гамета, которой давно уже былъ въ нее влюбленъ, и коему поступка обоихъ любовниковъ, коей онъ былъ

свидѣтель, подавала нѣкоторую надежду.

Мулей-Гаметъ писалъ къ ней многїя письма, коихъ бы она никогда не приняла безъ той страсти, которую имѣла къ Абенамару, почему старалась она о всемъ томъ, что до тово касалося, давать ему знать.

Ревность сего любовника такъ умножилась, что захотѣлось ему перемѣниться или по малой мѣрѣ показывать притворно, что онъ перемѣнился; онъ стыдился, что печалился о томъ, что Фатима вступила въ новое обязательство: началъ искать любви въ Заидѣ, которая хотя не такъ была прекрасна какъ Фатима, однако довольно красоты имѣла къ возбужденїю въ ней страха, и коей порода будучи равна Абенамаровой, могла возбудить въ ней опасенїе, чтобъ онъ на ней не женился.

Взаимная прискорбность Абенамара и Фатимы, ихъ холодности и неучтивства, когда встрѣчалися, были чрезвычайны, но сїе жестокое состоянїе не могло быть весьма продолжительно. Въ одинъ день по счастїю сошлися онѣ однѣ въ комнатѣ Королевиной, которая

рая была запершись въ своемъ кабинетѣ, и которую онѣ обое ожидали.

Стоя нѣсколько времени, не говоря другъ другу, и не смѣя взирать одинъ на другаго, глаза ихъ орошилися слезами. Абенамаръ стократно дѣлалъ Фатимѣ укоризны за ея перемѣну, и признался, что не могъ подражать онымъ, сколь ни старался въ томъ ея увѣрить, прилѣпившись къ Заидѣ. Фатима отвѣтствовала ему только взорами и слезъ источниками: наконецъ начала жаловаться на его презрѣніе, и приносить оправданія въ той склонности, которую возъимѣла къ Мулей-Гамету.

Одного удара ока довольно бы было найти ея невинною: взаимныя ихъ жалобы толь мало имѣли основанія, что не трудно имъ было оправдаться, и найти во оныхъ причину радости.

Королева отворила свой кабинетъ весьма рано противъ ихъ желанія, хотя долго она воономъ пребывала. Абенамаръ просилъ Фатиму, чтобъ доставить ему способъ, поговорить съ нею безъ свидѣтелей, и совершенно изъясниться въ ихъ подозрѣніяхъ. Она ему то обѣщала; и надругой день, увѣдомивъ его о мѣстѣ и часѣ, когда могъ онъ съ нею говорить, послала ему всѣ

письма, кои получала она отъ Мулей-Гамета, Абенамаръ пришедъ отъ радости внѣ себя, обнадежилъ ея, что не преминетъ притти на назначенное ею мѣсто, а Фатима не могла сомнѣваться, чтобъ онъ туда не пришелъ.

Между тѣмъ, какъ скоро посланной ушелъ, Абенамаръ запершись, читалъ всѣ письма Мулей-Гаметовы, и нашелъ между оными такія, кои возбудили снова его ревнивость. Нѣкоторыя изъ сихъ писемъ открыли склонность съ стороны Фатимы, коей онъ не ожидалъ съ того времени, какъ съ нею говорилъ. Досада ево не допустила ево разсмотрѣть причины сея склонности, которая была только дѣйствіемъ огорченія Фатимина противъ его. Онъ не видѣлъ ничего кромѣ безмѣрной ласки къ своему совмѣстнику; и не пошелъ на то свиданіе, коего искалъ съ такимъ стараніемъ.

Фатима его ожидала; и удивившись, что пришла первая на свиданіе, еще гораздо въ бóльшее впала удивленіе, ожидая тщетно Абенамара. Множество мыслей вошло ей въ голову, одна истинна во оную только не входила: она проводила тотъ день еще съ бóльшею горестію, нежели тогда, когда

да въ первой разъ думала жаловаться на своего любовника.

На другой день Абенамаръ имѣвъ время разсудить о учиненной имъ поступкѣ; и помысливъ, когда первыя его изступленія миновали, что Фатима мало чувствовала себя виновною, потому что сама, безъ всякаго принужденія, прислала къ нему письма Мулей-Гаметовы, написалъ къ ней, прося о прощеніи, признался ей въ истиннѣ, и просилъ извинить такую ошибку, которая произошла отъ наисильнѣйшей въ свѣтѣ страсти.

Фатима огорчась за худое мнѣніе, которое онъ имѣлъ о ея поступкѣ, когда была она невиновна, отвѣчала ему, что сіи подозрѣнія дѣлаютъ ево недостойнымъ толь вѣрной любовницы, и искала тогда въ самомъ дѣлѣ изцѣлиться отъ сей страсти.

Мулея-Гамета слушала ужѐ она не столько для Абенамара, сколько для себя. Абенамаръ написалъ къ ней другое письмо, но она ничево ему не отвѣчала.

Одна только помощь осталась сему любовнику, то есть умножить ревность, которую ужѐ она имѣла къ Заидѣ, зная довольно, что сія страсть въ женщинахъ дѣлаетъ болѣе примиренія, нежели

ли разрыва; но онъ обманулся. Заида была довольно пригожа, чтобъ придать страсти Абенамаровой вѣроятности. Онъ не пошелъ на такое свиданїе, которое Фатима ему дозволить хотѣла: она думала, что одна досада не могла бы его побудить, здѣлать ей сїю обиду, естьлибъ страсть его была всегда равна; что есть во оной холодность и непостоянство въ ево поступкѣ: и она была больше увѣрена въ необходимости, съ коею надлежало отстать отъ Абенамара; но долго пребывала не чувствуя всей невозможности того.

Она видала всякую минуту Заиду съ Абенамаромъ вмѣстѣ, сей взоръ приводилъ ея въ трепѣтъ; горячность Мулей-Гаметова ея не утѣшала, видѣла, что здѣлаетъ его нещастнымъ, и искала надежнаго лѣкарства, которое бы ни отъ кого кромѣ ей не зависѣло.

Степи показались ей мѣстами удобными къ ея несчастїямъ; но долго размышляла о побѣгѣ, не могши покинуть такой дворъ гдѣ видѣла каждой день жестокое для сердца своего позорище.

Съ того времени приняла она намѣренїе прилѣпиться тайно къ Мулей-Гамету, не было ей больше трудно, признаться ему, что сперва обманывала она ево,

дабы

дабы обратить къ себѣ Абенамара; и наконецъ сказать ему, что не можетъ ево любить; хотя и имѣла къ тому намѣренïе, и почитала его выше всѣхъ другихъ.

Сïя искренностïю исполненное признанïе возбудило удивленïе въ Мулей-Гаметѣ, но причинило въ немъ весьма чувствительную печаль; онъ пересталъ ея любить; что и возобновило въ ней паки ту горячность, которую имѣла къ его солюбовнику; такъ что предавшись своей печали, и приобыкши нѣкоторымъ образомъ къ уединенïю, утверждала себя непрестанно въ принятомъ сю намѣренïи.

Абенамаръ зная, что Мулей-Гаметъ больше ея не видитъ, вознамѣрился еще на то покуситься, чтобъ вывесть ея изъ унынïя, въ коемъ она быть казалась. Онъ велѣлъ обнародовать, что готовъ жениться на Заидѣ; и по мѣрамъ, кои принималъ, пронесъ слухъ сей скоро до Фатимы. Онъ уповалъ, что данныя имъ ей обѣщанïя, привлекутъ ему по малой мѣрѣ ея выговоры; но Фатима не имѣла и той надежды, чтобъ имѣть право здѣлать ему оные, хотя страсть ея, не пришедши еще въ ослабленïе, дозволяла ей только приносить жалобы.

жалобы. Она написала къ нему всѣ свои мысли, и приказала не относить ему прежде своего письма, пока не уѣдетъ. Она отъѣхала, не объявивъ и про то мѣсто, куда отправилась, и оставила ему только сожалѣнїе о томъ, что не умѣлъ пользоваться толь сильною склонностїю, какую она къ нему имѣла.

КОНЕЦЪ.

